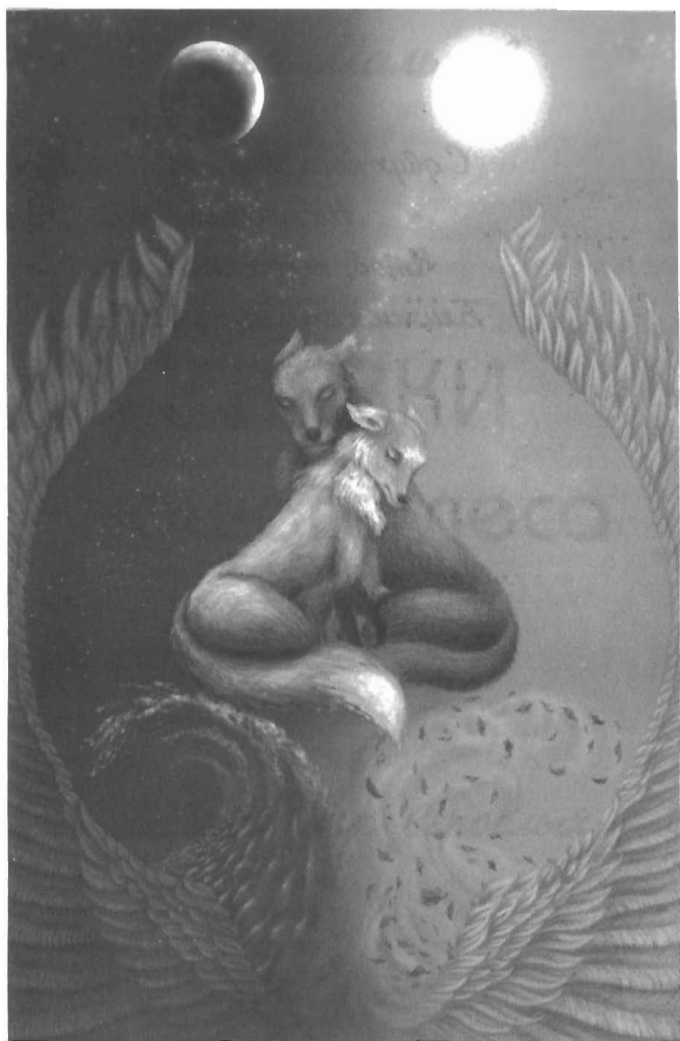

Илья Мильков

Сказки нашего леса

*С двух концов я жгу свою свечу,
Не жалея плоти и огня,
Чтоб, когда навеки замолчу,
Близким стало скучно без меня.*

И. М. Туберман

Илья Мальков

СКАЗКИ НАШЕГО ЛЕСА

Легенды для взрослых

Москва
2007

УДК 821.112
ББК 84.6
М13

Издание осуществлено при поддержке
РАО «ЕЭС России»

Художник Максим Ершов

Мальков И.В.

М13 Сказки нашего леса. Легенды для взрослых. — М.:
Грифон, 2007. — 160 с.

ISBN 978-5-85302-512-7

Сказки... Они захватывают воображение юного читателя и уносят его в далекие волшебные миры. Когда-нибудь мы все вырастаем и делаем шаг в размыто-серый мираж города. Крыльям мечтателя редко находится место в рутинной жизни взрослых.

В ваших руках сказка, написанная не для детей. В этой истории есть понемногу обо всем на свете, что окружает человека в его взрослой жизни. Дружба и предательство, любовь и разочарование... А еще в этой книге есть нечто, что поможет увидеть незримые чудеса, которые творятся в душе и в мире.

УДК 821.112
ББК 84.6

© Российский Фонд Культуры, 2007

© Р.Р. Огинский, вступительная
статья, 2007

ISBN 978-5-85302-512-7

© М.В. Ершов, оформление, 2007

От издательства

Все мы любим сказки. В детстве — одни, потом — другие. Даже тертые-перетертые люди, много перевидавшие и ни во что, казалось бы, уже не верящие, тоже не могут порой расстаться со сказками. «Сказка» — это ведь от слова «сказ»: веющее послание, которое лежит в основе всякой литературы. Просто сказки разные, каждому — своя.

Отчего так занимают человека сказки? Главное их свойство — передавать порой непроизносимое — наиздавание, мечту или печальные соображения о несовершенстве бытия, — через иносказание. Антураж сказок фантастичен, но читателю нравится, когда переосмысленные жизненные реалии возникают в такой вот отвлеченной форме. Это позволяет не привязывать себя и свои переживания к конкретным обстоятельствам окружающей действительности, как в психологической драме, триллере или бытописательном романе, а перенести их в некий параллельный волшебный мир, где грубая холстина, из которой соткана жизнь людей, превращается в тончайший газовый платок воображения. Можно согласиться, что сказка спасительна для ума и души человека.

Сказки талантливого молодого литератора Ильи Малькова — для взрослых. Точнее, взрослеющих, твердеющих. А еще точнее — для тех, кто уже ощущает тяжесть этого процесса отвердевания. Как много иллюзий теряет слепой при прозрении! Сколь ужасен оказывается интерьер кроманьонской пещеры, когда его осветит огонь «от фирмы Прометей»! Разоблачение обманов несет скорее не облегчение, а горечь... Дружба и предательство, любовь и разочарование, пусть их испытывают Пес, Белая Лисица или Медведь, содержат здесь ясные намеки на нюансы человеческой психологии.

Неслучайно сборник этот, объединенный общей темой, сюжетом и местом действия, назван «Сказки нашего леса». Лес в иносказательном переосмыслении предстает перед нами миром наших, современных человеческих типажей, как в комедия дель арте. Можно вспомнить в этой связи, что многие литераторы прибегали к подобному изображению человеческого бытия как леса — от Редьярда Киплинга («Книга джунглей») до Анатолия Кима («Белка»). В видении Малькова «Наш лес» — это мир молодых, мир, населенный существами страждущими, которые ищут совершенства и преображения. Одна незадача — все они относительно добродушные и легкомысленные звери, кроме... Кроме, пожалуй, центрального персонажа, Скрипача, который своей чарующей музыкой и зловещим ритмом ассоциируется с насильственным, суггестивным воздействием на сознание. Те, кто приблизится к нему, могут потерять собственную волю, «самость», но в этой борьбе навязанного сознания с внутренним и зарождается, вероятно, то преображение, которое зооморфные персонажи могут испытать в конце... Впрочем, это конец одного — и начало чего-то нового. Примерно так думал, кажется, Маленький Принц из знаменитой сказки Антуана де Сент-Экзюпери, перемещаясь с планеты на планету...

Представляя читателю эту не совсем обычную книгу И. Малькова, непросто казалось обозначить ее жанр. Это безусловно не фэнтези, не сказка в традиционном понимании и не утопия. Возможно, эта оригинальная вещь больше подходит под определение «аллегория»? Вот оно, нужное слово! Ведь в каждой теме «звериных» коллизий проступают черты человеческого поведения. И как всякая аллегория, эта книга пробуждает стремление и к высотам воображения и к углубленному самопознанию.

Роберт Огинский

Сказки нашего леса:

Сказка об уставшем Времени
Сказка об одинокой Белой Лисице
Сказка о Скрипаче на холме
Сказка о Сером Волке
Сказка о глупой Белой Лисице
Сказка о Медведе и дожде
Сказка о Мечте
Сказка о Льве
Сказка о двух Лебедях
Сказка о Звере
Сказка об Идеале
Сказка о Небесном Льде
Сказка Пса
Сказка о Тиграх
Сказка о ясной Звездочке

* * *

Вот осень приносит на лапках листву,
Шуршит за окном и зовет на дорогу.
Я слышу ее, я один из немногих,
Кто, плюнув на все, упадет в синеву.
Холодный ручей зазвенит на холме,
И солнце откроется огненной птицей,
И рыжим хвостом замелькает лисица,
И иней укроет густую траву.

Ищите рыжую лисицу,
Во сне и наяву.
Когда вам плохо спится —
Ищите рыжую лисицу.

По мокрому снегу,
По белым полям
Раскатистым эхом трубят: «На охоту!»
Я слышу ее, и бескрылым полетом
Мне стелется под ноги вьюга-зима.
Веселая пляска под белой луной,
И стрелы пропали в холодном тумане.
И белые лисы идут за тобой,
Закроешь глаза — значит, снова обманут.

Ищите белую лисицу,
Во сне и наяву.
Когда вам крепко спится —
Ищите белую лисицу.

По угольным тропкам погасших костров
Увидеть следы можно только случайно.
Я видел их ночью, открою вам тайну:
Там плачут лисицы потерянных снов.
И звездною ночью летит водопад,
Алмазами искр ветер греет им шкуры.
А я, просыпаясь в холодное утро,
Увидел седые ручьи... в волосах.

Ищите черную лисицу,
Во сне и наяву.
Когда вам просто спится —
Ищите черную лисицу.

Ищите рыжую лисицу...
Ищите белую лисицу...
Ищите черную лисицу...*

* «Лисицы», текст песни JAM (Ольги Волоцкой) с альбома «Двойник — Город Песка», 1998г.

Сайт исполнителя — <http://jam.dkmayak.ru>

...посвящается всем огонькам жизни, которые когда-либо светили, которые сияют сейчас и которые зажгутся в будущем...

...спасибо всем-всем животным за то, что вы сделали; и даже за то, чего не сделали. Вы помогли изменить этот мир к лучшему!..

СКАЗКА ОБ УСТАВШЕМ ВРЕМЕНИ

Давным-давно, в самые стародавние времена, какие только можно вообразить, Время было молодым и отзывчивым. Оно любило всех на свете и с радостью помогало, чем могло. А могло оно многое... Если не доделаны какие-то важные дела или в один не столь уж прекрасный миг все пошло наперекосяк — стоило только позвать задорное, веселое, непредсказуемое Время и попросить помочь все исправить. Время очень любило, когда в чьих-то глазах загорался свет счастья, что ошибки прошлого растворяются в небытии...

Но постепенно многие перестали ценить то благо, которое Время творило для них. Часто его звали совсем не по делу, ради каких-то совершенно несущественных пустяков. Вечное же Время не могло отказать, так как видело свое предназначение в помощи тем, кто не вечен. Увы, но у Времени просто не хватало времени, чтобы поспеть за всем во время.

Время стало уставать и даже не заметило, как поседело. А его всё просили и просили об одолжениях, постепенно начав даже требовать, словно Время чем-то было всем обязано! Но седое Время не роптало, оно твердило про себя, что его существование — вечное, ему нет предела. А как при таком раскладе можно не подсобить тем, кто когда-нибудь покинет этот мир?!

Но однажды Время обманули и надругались над его бесценными дарами. С его помощью было совер-

шено подлое убийство себе подобного; из ненависти и ради корысти. Седое уставшее Время не стерпело унижения и обиды. Ему казалось, что эта кровь никогда не смоется с его седин. Время люто разгневалось и долго бушевало, спутав все, что только можно взбаламутить в мире. А потом поклялось, что никогда и никому больше не даст шанса вернуться назад и исправить свои ошибки. Время сдержало свое обещание. Оно хранит молчание и по сей день и не откликается ни на чьи мольбы.

Но все же оставалось еще в мире нечто, от чего... нет-нет, конечно же, Время не останавливалось; оно вообще с тех пор ни разу не возвращалось назад и не прекращало свой мерный шаг... просто... было в мире нечто, от чего у Времени хоть ненадолго захватывало дух...

* * *

Острые солнечные лучи пронзили густые еловые ветви и легли на закрытые веки. Чудесный сон улетучился, Пёс встрепнулся и открыл глаза. Стоял конец лета — пора теплая, живая, суетливая. Косматые лапы елей покачивались в рыжем сиянии опускающегося солнца. По земле стелился мягкий ковер из опавших иголок, трилистников и низкого кустарника. Щебетали предзакатные птицы.

Пёс нехотя встал и потянулся: обстоятельно, со знанием дела, глубоко вонзив когти в землю, потом широко и сладко зевнул. Определенно, он сегодня выпался. Пёс прислушался к лесу. Каждый раз, когда он прислушивался к лесу, он задумывался и о себе самом. В лесу было хорошо, как никогда. Светло, тепло, зелено. Если бы этого леса не было,

то его стоило бы придумать. Если бы этот лес погибал, то за него стоило бы биться. Если ради спасения этого леса надо было бы погибнуть, то это, без сомнений, было достойным делом.

Пёс побежал через ельник, перепрыгивая валежник и огибая овраги, где могли притаиться змеи. Он знал дорогу и хотел поспеть туда, куда торопился, до того, как большая дневная звезда уйдет за горизонт, отдав мир во власть маленьких ночных звезд. Конечно же, Пёс не знал, что размер зависит от расстояния, и что эта большая звезда — чуть ли не самая маленькая во Вселенной. А такой большой она кажется лишь потому, что совсем близко...

Ночь казалась Псу такой захватывающей, таящей в себе все секреты мироздания и зовущей в свои объятья всеми искушениями сразу. Но ему не нравилось, когда ночь заставляла врасплох его одного. Тогда какие-то страхи поднимались из глубины его души, ему казалось, что природа вокруг шепчет какими-то неведомыми голосами: зовущими, пугающими, смущающими. Он не боялся их, просто не любил. И знал верный способ заставить их замолчать.

Итак, Пёс спешил. В просвете между деревьями блеснула вода. Река несла свои воды из неведомого далёка, подхватывала все, что была способна удержать своей властью, и увлекала в неизвестность, уходящую за горизонт. И все-таки река была пристанищем для множества доверчивых огоньков жизни, которые сумели приспособиться к постоянному течению и отыскивали в нем свой дом.

Пёс недолго постоял у берега, посмотрел на вершины деревьев на другом берегу. Потом спустился

к мокрому песку, шумно поплакал студеной водицы и снова отправился в лес.

Неподалеку, под большим развесистым дубом, среди мозолистых, словно натруженных корней, была вырыта нора. Пёс крадучись приблизился к дереву и, широко улыбнувшись, поскреб лапой о шершавую кору дерева. Ответа не последовало. Пёс поскреб еще раз — безрезультатно. Улыбка исчезла с его морды, уступив место выражению легкого беспокойства. Он попытался заглянуть в нору, но она была слишком узкой для него, он не смог бы туда пролезть.

Вдруг у него за спиной просыпался задорный смешок. Пёс обернулся и радостно оскалился, казалось, до самых ушей. На холмике неподалеку сидела Белая Лисица. Небольшая такая, вся из себя меховая, но при этом очень-очень гладкая. Она таинственно взглянула на своего гостя, дернула черной кисточкой хвоста и белой поземкой сорвалась вниз, чтобы закрутиться между лапами у Пса. Он ужасно боялся на нее наступить, а потому неловко переминался на месте, пока не свалился набок. Тогда Белая Лисица напрыгнула на него сверху, обхватила лапами и насмешливо сказала, что вовсе не обязательно драться, чтобы завалить кого-либо наземь. Пёс возразил, что все зависит от того, ради чего нужно кого-то повергнуть.

Белая Лисица озорно прыснула. Ей нравилось, как Пёс отвечал: всегда последнее слово оставалось за ним, он неизменно пытался обернуть любую колкость на службу себе и на посрамление спорщиков. Но только не в случае с Белой Лисицей, — тут он иногда говорил редкостные глупости, чем забавлял ее до колик в животе.

Белая Лисица ткнула своим носиком в большой влажный нос Пса, вскочила и пригласила его отправиться к воде. Уже опустилась ночь. Тревожные голоса молчали, даже не начав свой зловещий шепот. От реки тянуло ознобом.

У Пса с Белой Лисицей было любимое место — неподалеку от того, где кончается ельник и небольшая березовая рощица; там над водой навис небольшой выступ, а по бокам от него росли две яблони. Какой там стоял аромат, когда яблони цвели! Но сейчас они были уже не в цвету и сгибались под тяжестью созревших плодов.

Пёс и Белая Лисица сели над водой, прильнули друг к другу и закрыли глаза. Алмазная россыпь звезд подмигивала с темно-синего неба, по которому ветер тянул длинные узкие облака. Пёс был темно-серый, скорее даже черный, не очень большой, но крепкий, с приветливым хвостом, который, однако, никогда не закручивался кольцом. Лисица носила белую шкурку, мохнатую, мягкую, переливающуюся. Пёс не мог наглядеться на ее скользящий хвост, на черные сапожки на лапках, на острую мордочку с зажмуренными глазками. Они были очень молоды, ничего толком не знали о жизни. А разве это так уж необходимо? Если они рядом друг с другом — надо ли что-то еще?

Подул ветер, раздался треск надломившегося дерева, и в воду свалилась ветка с четырьмя красными, в самом соку, яблоками. Пёс хитро прищурился, извернулся из лисьих объятий и, неуклюже замахнув лапами, бухнулся в стылую воду. Брызги обдали все вокруг, Белая Лисица громко чихнула. Пёс поплыл вперед, следуя за уносимыми в ночь яблоками, схватил ветку зубами, развернулся и

стал грести восвояси. Он не без труда преодолевал течение. А под ним... под ним жил совсем другой мир, непонятный обитателям надводного мира. В глубине колышущихся водорослей блестели чешуйки рыщущих щук и окуней, скрывались из виду плавники прячущихся плотвичек. Этот холодный мир, сумевший побороть течение, жил по своим законам; и снизу отлично видел четыре жилистые лапы Пса, призывно дергающиеся у поверхности...

Пёс выбрался на берег, зафырчал и отряхнул шерсть от воды, словно мимолетным дождем оросив все окружающее пространство. В зубах он гордо сжимал ветку с наливными яблоками. Белая Лисица сидела там же, где он ее оставил. За эту выходку она назвала Пса дураком, а он возразил, что он — дуралей, в крайнем случае, балда, но уж никак не дурак. Белая Лисица хохотнула. И они стали с громким хрустом грызть яблоки. Белая Лисица даже не заметила, как съела три, — одно яблоко Пёс незаметно подкатил к ней носом, не сказав ни единого слова... Мокрого Пса тряс легкий озноб, и Белая Лисица прижалась к его шерсти, не побоявшись намочить свою. «Лисотища», — буркнул продрогший Пёс. Так они просидели до самого утра. Они просто не могли отказать себе в удовольствии встретить рассвет вместе. Но надо было расставаться; у каждого есть свои дела, у каждого из них есть свой дом. Уходя, Пёс проронил, что она для него — самая дорогая, самая любимая, что ради нее он готов на все. Белая Лисица промолчала.

Медленно тянулись дни, ночи у воды казались бесконечными. Однажды Белая Лисица сказала,

что устала от этих монотонно тянущихся дней, устала от окружающих ее суетных и глупых лис, которых видеть больше не может, устала от всех вокруг, устала жить без Пса. Она заглянула в его серые глаза и попросила увести ее от этой опустевшей жизни, увести подальше, куда нет дороги прошлому.

Пёс был в смятении. Он любил возвращаться в свою стаю: к старой матери, молоко которой он когда-то давно сосал вместе с братьями; к суровому добряку-отцу; к братьям, с которыми возился щенком. И он любил эти бесконечные ночи у воды, рядом со своей Белой Лисицей. Что же он любил больше?.. Почему надо делать такой выбор?.. Нет ли другого пути?..

Но он не успел как следует подумать, потому что заглянул в ее молящие глаза, где переплелись любовь, боль и мольба. Он ответил: «Да, уведу». И беспокойство сразу исчезло из ее глаз, они вновь засияли чистым теплом. А в душу Пса словно свалился с высоты камень, придавивший что-то внутри. Обещание дано, его надо выполнять.

Медленно тянулись дни, ночи у воды казались бесконечными. Природа медленно задремывала в ожидании зимы. И все чаще Белая Лисица спрашивала Пса, когда же они отправятся в путь, когда же он выполнит свое обещание. А Пёс молчал, утратил всякую говорливость, всякий задор — только обнимал ее крепче, надеясь, что и она однажды промолчит; поймет и промолчит. Но Белая Лисица не понимала и не молчала. Каждое напоминание о данном обете крючком впивалось Псу в душу, и каждый рассвет, когда они расставались, с силой дергал этот

крюк, оставляя внутри кровоточащую рваную борозду. А Белая Лисица ничего не понимала, не слышала кричащее молчание Пса, которое порой срывалось на безмолвный визг.

Теперь Пёс уже не мог видеть свою стаю. Ему казалось, что было бы куда лучше, если бы они ненавидели его, гнали, грубили ему, скалились в ответ. Но псы были доброжелательны и терпеливы, не моргнув глазом выслушивали любую гадость, которую им бросал разгневанный Пёс. И тем еще сильнее разжигали его ненависть: к стае, к миру, к себе и... что, самое страшное, к Белой Лисице...

СКАЗКА ОБ ОДИНОКОЙ БЕЛОЙ ЛИСИЦЕ

Жила-была в одном лесу молодая Лисица. Казалось бы, обыкновенная Лисица: спит в своей глубокой уютной норке, охотится на куропаток и мышей; хитрая, неутомимая затейница и мастерица побездельничать. Да вот только не жилось ей среди себе подобных. А причина в том, что ее шубка была белая весь год напролет — изумительной красоты. Все лисицы завидовали ее красоте, избегали общаться с ней, боясь, что она очарует их молодых лисов, и те охладят к своим подругам. И с лисами Белая Лисица не могла нормально проводить время — они постоянно расплывались в хитрых колючих усмешках и начинали делать намеки, от которых могла покраснеть даже очень рыжая и очень наглая лисица, не говоря уж о Белой Лисице.

От того Белой Лисице было очень одиноко: некому высказать сокровенное, не с кем поделиться частичкой себя, никто не поймет и не услышит. А потому она предпочитала проводить время в одиночестве, подолгу сидя у воды и кидая в нее маленькие камушки; очень любила смотреть на круги, расходящиеся от всплеска, любила эту мелкую рябь на зеркале реки. Ей казалось, что в мире все устроено именно так: брось лишь один камушек, настоящий, не иллюзорный, — и друг за дружкой пойдут по воде круги: разные, ласкающие, бесконечные...

Однажды Белая Лисица познакомилась с Серым Лисом. Точнее, это он с ней познакомился —

подошел к берегу реки, когда она кинула свой камушек, а потом он кинул свой, попав точно в то место, откуда расходились круги на воде. Кругов стало больше, они переплетались и искрились под солнцем.

Белая Лисица болтала без умолку, она? наконец-то? нашла кого-то, кому могла излить душу. А Серый Лис почти всегда молчал, пристально глядя ей в глаза. Они много гуляли вместе, Белая Лисица задыхалась от счастья, когда видела, как на них смотрят другие лисицы. Ей было так приятно и так хорошо, что, как ей казалось, она смогла сделать Серого Лиса счастливым и таким значимым. А он много молчал, больше слушал, что очень нравилось Белой Лисице.

Она и не заметила, как влюбилась без памяти, как умеют только ветреные молодые лисицы. Она тосковала без него, украдкой поглядывала на солнце, чтобы узнать, когда же он придет. Бросала камушки в реку лишь с одной целью — вновь увидеть круги от камушка, брошенного им. Она спросила, будет ли он с ней всегда. Лис ответил, что обязательно окажется рядом, когда понадобится ей. Иначе говоря — всегда. Она была счастлива.

И, как часто бывает, ее счастье было в неведенье, которое не может длиться вечно. Правда всегда всплывает на поверхность, даже если заводь очень тихая и в ней не колышется ни один камыш. Правда поднимается с темной глубины, чтобы больно резануть глаза и душу.

В чем-то низко, совершенно по-лисьи, но справедливо — она подслушала его разговор с друзьями, рыжими самцами-лисами. Он не любил ее, ни одно мгновение не любил. Просто поспорил, что

вскружит ей голову, заставит идти на все ради себя, а потом бросит самым жестоким способом, каким только возможно. И все это ради своей настоящей возлюбленной — завистливой небелой лисицы. Поэтому он всегда молчал, ему просто нечего было сказать.

Белая Лисица исцарапала ему всю морду, обругала самыми гадкими словами, какими только могла, но ей не стало легче. Она все еще помнила свои чувства, помнила те прогулки, когда задыхалась от счастья. Она помнила все. И эти воспоминания были настоящими, не подделкой! Пусть Серый Лис оказался предателем, паразитом, кровососущим клещом — он теперь в прошлом, пошел он прочь из ее жизни! Но те чувства, что она испытывала! Сможет ли она снова прикоснуться душой к тому свету, который померк? Сможет ли довериться кому-то? И можно ли после этого кому-то довериться? Она не знала ответов на вопросы и только продолжала сидеть у воды, кидая камушки в зеркало, отражающее вечное небо. И горько плакала...

...кто-то приблизился к ней со спины: мягкие шаги, зверь не тайлся, не старался скрыть свое присутствие. На вопрос, кто он, Белая Лисица услышала очень короткий ответ: «Я-то? Я Пёс...»

* * *

Однажды Пёс проспал все, что только можно; его пробуждение состоялось глубокой ночью. Ему снился замечательный сон, сон про Белую Лисицу. Проспал! Как так? Бежать к ней, скорее! Он ринулся сквозь наполненный мраком лес, с трудом развирая дорогу от волнения. Ему и не нужно было

видеть, куда бежать — он чувствовал то место, где ночи становятся желанно-бесконечными.

А со всех сторон поползли тягучие шорохи ночных наваждений:

...зачем ты пообещал что-то, чего не можешь дать?...

...ты не сумеешь выполнить свой обет...

...кого ты любишь больше: ее или свою стаю?...

...докажи, докажи, докажи свои слова...

...докажи, докажи, докажи своими поступками...

...докажи, докажи, докажи себе, что стоишь чего-то...

Голоса пробирались под теплую шкуру, холодными иглками кололи тело, заставляли лапы спотыкаться, а дыхание сбиваться. Пёс бежал.

В разрыве леса пылал факел огня. Пёс знал, что нельзя туда ходить, знал, что туда нельзя смотреть. Ни за что, ни за что нельзя отвлекаться на это пламя... но он не смог побороть что-то, что тянуло его туда. Он вышел на край незнакомого оврага.

На противоположной его стороне стояла кобыла: чернее ночи, чернее темноты, чернее золы, чернее пустоты. Казалось, что кобыла не живая — просто скелет, на который натянули кожу; так она была худа. Ее грива и хвост пылали всепожирающим огнем, лизавшим ночь языками жадного огня. Копыта медленно тлели, словно угли, оставляя на земле выжженные следы. Раздутая ребристая грудь кобылы вздымалась, и с каждым вздохом из ноздрей невиданного чудовища вырывались клубы дыма. Она рокочуще заржала, встала на дыбы и заглянула Псу прямо в его серые глаза. «Ты умрешь», — отразилось в зрачках, в мгновение заполнившихся страхом. А потом ночная кобыла сорва-

лась с места и умчалась прочь, отмечая свой путь черными пропадинами копыт на дымящейся траве. А один из этих болезненных жгущих следов остался в душе у Пса, опрометью кинувшегося к реке, где оставалось их любимое место; туда, где ночи становились бесконечными.

Белой Лисицы там не было; не ждала она его между двух яблонь, не глядела на воду в ожидании встречи. Только желтая роза лежала на земле, а рядом с ней — отпечаток, глубокий след Ее лапки. Пёс метался по кругу, искал ее запах, искал ее следы, но... лисы умеют замечать следы так, что их не отыщешь вовек. Ее нет. Только след рядом с желтой розой. И немое «прощай», витающее в воздухе. «Ты не выполнил обещание, ты предал». Неважно, что он просто проспал. Обещание-то, действительно, не выполнено. И не смогло бы стать явью. Никогда. Получается — предал?

Пёс задрал морду вверх и протяжно завыл.

СКАЗКА О СКРИПАЧЕ НА ХОЛМЕ

...Блестящий снег таял, обнажая блеклую массу перегнившей травы. Зеленые ростки пробивались из земли и сразу же жухли, продолжая при этом расти. Зачем? Бессмысленно... Но растениям не дано видеть смысла, они просто растут. Вибрирующие звуки скрипки пронизывали реальность и преображали ее, вязкой волной растекаясь с холма. Капли талой воды сыпались с деревьев, оседали на сухой траве. Почки набухли и лопнули листьями сочной зелени, которая тут же обратилась золотыми пластинками осенних листьев, часть из которых осыпалась вниз, а другая часть осталась трепетать на ветру, переливаясь великолепием наступившей вдруг осени...

...вибрирующие звуки скрипки текли по всей округе, подчиняя себе музыку Мироздания. От этих чарующих звуков на деревьях проклеивались россыпи рубиновых ягод и непонятные белые цветы, которых никогда не было и никогда не будет. Реальность ломалась, как лед по весне, и стремительно уносилась в сон, в наваждение осени, которая никогда не кончается. Эта музыка и была самой осенью: грациозной в своем несчастье, гордой в своем увядании, печальной в своем великолепии, нежной в своей неизбежности...

...скрипка в руках Скрипача переливалась всеми звуками, которые когда-либо слышала Вселенная. В ее чудном пении были ответы на все вопро-

сы бытия, разгадки всех загадок, причины всех следствий. И чтобы внять этому — надо просто прийти, сесть и послушать; впустить мелодию Скрипача в себя, как вняла ей природа. Надо прийти и сесть у этого холма, где стоял и играл на скрипке Скрипач...

...трепещущий смычок скользил по сияющим струнам поющей скрипки. И нельзя было с уверенностью сказать, кто породил эту льющуюся мелодию вечной осени и познания всего Мироздания: Скрипач или сама скрипка, этот чудесный инструмент, созданный уж точно не на грешной земле смертных. Скрипач держал смычок уверенной хулой рукой и играл легко и вольно, словно не прилагая никаких усилий. Его лица не было видно, оно скрывалось в глубокой темноте черного капюшона...

...этой вибрирующей мелодии нельзя было не внять, нельзя было сопротивляться ее зову, и животные стали выходить из леса. Они шли, захваченные очарованием осени среди зимы; шли, постепенно и без остатка отдаваясь музыке Скрипача. Они сидели у холма и слушали музыку: всепроникающую, мудрую, успокаивающую, всеведущую. И вместе с этой музыкой они познавали ответы на ВСЕ вопросы: кто они, почему они здесь, каков их путь, что творится в мире, ради чего все. Скрипка знала ответы и с радостью делилась ими со смертными. Смычок скользил по сияющим струнам, наигнутым кем-то для того, чтобы играть эту музыку смертным...

...но каждому свой путь, каждому своя реальность и свои истины, каждый должен находить ответы сам, каждый должен прожить свою жизнь.

Почему так? Скрипка знала ответ и на этот вопрос. Скрипка знала даже то, почему она попала в руки к Скрипачу, стоявшему на холме среди вечной осени, одетой в золото и рубины...

...музыка оборвалась. И не понятно, что произошло. Только поляна вдруг снова оказалась скована зимой, деревья снова корчились в морозной агонии, на холме снова гулял северный ветер. И кровь. Везде кровь. Кровь и обглоданные кости животных, которые вышли из леса, чтобы послушать Скрипача, водившего смычком скрипки, знавшей тайны всего Мироздания...

* * *

Пёс бежал, не щадя ноющих лап. Бежал как можно дальше от места, где, как ему казалось, умерла его душа. От места, где ночи когда-то казались бесконечными. Пёс бежал, как не бежал никогда в жизни. Надежда вела его, изнутри жгло отчаянье. Он потерял ту, ради которой дышал воздухом этого леса. Но не все еще потеряно! Ноющие лапы со злобой били по земле, сухожилия выли и просили пощады. Но никому не будет пощады этой ночью!

Псу лаяли вслед: преданная стая звала его назад, просила остаться, не уходить. Он не ответил им, лишь с хрипом мчался с такой скоростью, что его никто не смог бы догнать.

Он бежал к лисам, но — как оказалось — лишь затем, чтобы узнать: Белая Лисица не возвращалась уже много дней.

Надежда вспыхнула, сгорев в ненависти — сразу же и без остатка. Отчаянье сменилось гневом.

Гневом к себе. Как он посмел сказать «да»?! Как посмел дать обещание, которое не собирался и не смог бы выполнить?!

Мутная боль терзала Пса изнутри, тяжесть нарушенного обета давила на бока, не позволяя вообразить в грудь достаточно воздуха. Пёс задыхался, но бежал вперед, словно это могло что-то изменить. Он хотел скрыться в самой чаще леса, несясь сквозь высохший бурелом. Острые ветки царапали его, рвали шерсть, словно когтями; лилась тягучая кровь. Но чем больнее ему становилось, тем сильнее он рвался вперед, позволяя колючкам впиваться в плоть и выдирать ее куски. Капала кипящая кровь, в которой бурлила ненависть к себе и к всему окружающему миру. Он медленно задыхался.

Как такое могло произойти?! Почему?! За что?! Кто виноват в этом?! Он не знал ответов... точнее, просто не хотел их слышать. Он жаждал ненавидеть кого-то. И единственным, кого он мог уличить в случившихся с ним бедах — был он сам. Пёс рвался сквозь бурелом, раздирающий его шкуру.

Пошел снег. Он медленно опускался с ночных небес, устилая ветви деревьев и землю. Безмятежность. Но бегущему Псу казалось иначе; его колол являющийся навстречу поток лезвий, будто бежать приходилось сквозь лютый буран. Он создал его сам, не в силах остановиться, оглянуться назад. Этот буран он вдыхал полной грудью; холодный и мокрый снег заполнял его легкие, не оставляя места для воздуха. Пёс задыхался, хрипел. И вскоре с каждым вдохом пришла боль. Свист вдоха, боль и хрип выдоха. Свист, боль, хрип... это повторялось и повторялось.

Бурелом наконец остался позади. Пёс оглянулся и увидел длинную дорогу, которую сам проложил сквозь «тернии», но так и не добрался до звезд. С колючек злых кустов свисали лохмотья его шерсти, падали вязкие капли его крови. Пёс задыхался. Ненависть пылала внутри. Он упал на снег. Все тело горело, на нем не было живого места. Пёс умирал. Медленно. В одиночестве. В пучине самобичевания.

Но почему-то — он сам не знал, почему — Пёс решил заползти в пещеру, которая разинула свою темную пасть неподалеку. Он полз по белой скатерти зимнего наста, а за ним тянулся след сочащейся из него жизни. Когти скребли землю. Жизнь уходила через раны и утекала в небытие. Пёс умирал. Он так ненавидел свои поступки, что готов был задушить сам себя.

В пещере было не так холодно, как снаружи. Сырость липла к внутренностям, с невысокого свода капала вода. Кап-кап-кап... — словно скрупулезно отмеряя последние мгновения чьей-то жизни. Жажда иссушила пасть. Легкие же, наоборот, хрипели и плевались вязкой влагой. Пёс повалился на бок, но камень не удержал его — падение продолжалось, куда-то вниз, глубоко, в черноту... конец. Неужели это конец?

Кап-кап-кап... Вода навязчиво стучалась в чудом уцелевшее сознание. Кап-кап-кап... Пёс открыл глаза. Темно, но все отлично видно: пещера, сталактиты на своде, словно иглы, ручей теплой воды, беззвучно текущий откуда-то из земных недр. Он очень близко, нужно только высунуть язык и полакать. Усилие. Все болит, оголенное живое мясо скользит по камню. Усилие. Вода втекает в пасть. На своде

пещеры — сталактиты, словно тонкие серебряные иглы. Жизнь капает с них. Кап-кап-кап...

Время шло, а Пёс все пребывал в темной пещере. Раньше он видел цветные сны: сны про Белую Лисицу, про себя, про целый мир для них. Радостные сны, от которых хотелось проснуться только затем, чтобы увидеть ее наяву. А как только придется ненадолго расстаться — то сразу же спать, чтобы видеть ее в цветных грезах. Теперь все пропало. Не было больше снов и даже кошмаров. Только ноющая пустота забвения для разума и тела. Сон теперь — лишь способ отделить от тела боль, и отдалить хотя бы на время смерть...

Время шло, а Пёс лежал на стылом, безразличном камне и плакал. Не скорбь сочилась из его глаз, а боль, которую он сам же себе и причинил. Он много размышлял. О том, почему так устроена жизнь. О дорогах, которые мы выбираем. О дорогах, которые выбирают нас. О любви. О жизни и смерти. Ему страстно хотелось жить. Но зачем?.. внутри... там, где недавно было светло, теперь царила темнота, колючий холод. Пёс поежился. Так холодно... внутри... Любое движение отдается болью в израненном теле. Все зудит. Пёс снова закрыл глаза. Кап-кап-кап... Капли падали на окровавленную лапу и жгучей волной боли растекались по венам... внутри... до самого сердца, где теперь пусто и холодно. Так холодно, так пусто — с каждым ударом в груди вынуждается эхо иступленного одиночества. Пёс открыл глаза, не в силах слушать это эхо. Свод пещеры шероховатый, в трещинках, в сталактитах, словно в иглах. Пёс начал считать. Просто так, чтобы занять себя хоть чем-то. Один, два, три... сто... двести... триста трещинок. Один... два... три... сто

сталактитов. Сбился. Надо бы пересчитать... один... два... три...

Время дурманящей пеленой тянулось по своду пещеры, а влага из легких все не уходила, хлюпала там протяжными хрипами. Пёс кашлял, задыхался. Тяжесть вины давила на грудь. Он продолжал заучивать наизусть свод пещеры, продолжал размышлять... иногда, когда удавалось, проваливался в темноту сна без сновидений. А по пробуждении — все то же: где она сейчас? что с ней? хорошо ли ей сейчас? и как жить дальше? чем теперь жить? Кап-кап-кап... Закрыв глаза. Все зудит и чешется. Темно. И пусто... внутри.

Снег таял, ручьи с журчанием уносили прочь расколовшиеся оковы зимы. Пахло весной. Пёс беспокойно повел носом и ему вдруг захотелось выйти из пещеры. Он с глухим рычанием поднялся. Лапы болели, отказывались двигаться, словно размякли за зиму. Пёс дышал щебечущим светом воздуха, который с каждым стуком сердца питал завядшее тело, возвращал его к жизни. Но только зов весны не растекался по телу, не струился внутри, где не осталось ничего. Трещали птицы, мир одевался в изумруды и малахит, теплом лучился небосвод из синего стекла. Мир звал окунуться в чистую росу бытия, осознания, что ты — здесь и сейчас; а иначе — никак. Пёс не знал, ради чего теперь жить; как теперь жить? Но после зимы страшного удушья, после ненависти, сдирающей шкуру, был уверен в одном: ему хочется вдыхать этот мир. Хотя бы для того, что найти ответы на вопросы, от которых так пусто внутри. Может, эти ответы заполнят пустоту?

Он брел среди оживающей природы. Легкомысленно жмурился яркому солнцу, от которого отвык-

ли глаза. Каждый шаг давался с трудом. Всю зиму он питался лишь безвкусным мхом, росшим в пещере, да пил горную воду. Пёс сильно ослаб, исхудал и осунулся. И даже зелень, которую полгода назад он ни за что не взял бы в пасть, казалась ему вкусной и очень питательной. Тепло разогревало ноющие кости. Ему было так приятно, словно произошло чудо воскрешения. Это были ощущения тела, а другим чувствам Пёс просто не позволял овладеть собою. Он вышел к обрамленному камышами озеру и решил немного попить; нагнулся над гладкой поверхностью и увидел... что его шерсть сильно потемнела, а на месте затянувшихся кровоточивших ран — несмываемое клеймо грусти, печали и боли. Вся шерсть — в разводах седины, словно кто-то рисовал белым по черному. А ведь он так молод! Пёс не верил своим глазам, но и те были отмечены росчерками колючего серебра. И при виде своей шерсти Пёс сразу вспомнил Белую Лисицу — он видел ее озорной хвостик в каждом седом ручейке на своем теле.

Ему захотелось заплакать. Но он не смог. Все слезы вытекли вместе с болью в глубине той пещеры... или высохли в огне ненависти к себе... неизвестно. Ясно лишь одно — он не мог больше плакать. Он утратил этот великий дар — слезами облегчить тяжесть на душе. Теперь Пёс остался один на один собой, и нет теперь никакого спасения от собственных чувств и жестокости правды. Он будет одинок — хоть и наедине со всеми.

Пёс вернулся в стаю. Родные узнали его сразу и приняли, словно он и не уходил. Даже не спросили о том, что случилось. Они понимали, что произошло что-то непоправимое, и не бередили сердце, не

травили душу понапрасну. Стая любила его, приняла, несмотря ни на что. Пёс ходил мрачный, раздражительный, молчаливый, готовый оштетиниться и уколоть в ответ по любому поводу. Но псы прощали его, знали, что седое время исцелит его душу, если только он сам того пожелает.

Псу казалось, что он мертв, но почему-то ходит среди живых. Он устал, был сломлен, бродил наедине с мертвецом — наедине с собой. Никого не подпускал к своей душе, даже мать. Он вышел из пещеры и вновь обрел жизнь. Теперь он вдыхал аромат сирени и искал что-то, ради чего за эту жизнь стоит держаться. И в один прекрасный день он увидел это. Увидел смысл жизни в сияющих глазках возящихся на траве щенков, увидел дорогу в будущее, начинающуюся из-под их крошечных топающих лапок. Эта дорога звала и нельзя было отказываться ступить на нее. Ради этих блестящих глазок, смотрящих на тебя, как на центр мироздания; ради этих виляющих хвостиков, празднующих каждое мгновение начавшейся жизни; ради этих мохнатых комочков счастья, валяющихся на траве животиками к небу. Да, ради этого стоило жить. И ради того, чтобы воспитать потомство должным образом; чтобы они тоже усвоили эту непростую и несложную правду. Но...

Кто сумеет осчастливить его? Кто принесет в мир новую жизнь от его плоти и крови? Пёс решил, что это совсем не важно. А потому познакомился с одной молодой Псицей. Она была милой, доброй, немного наивной, порой чуток заносчивой — в общем, самая обыкновенная молодая псица. Славная и хорошая. В такую нельзя не влюбиться, если ты молод.

Везде кружится горячий летний снег — беле-сый пух, срывающийся в дальнюю дорогу с крон тополей. Лето казалось бесцветным, не шло ни в какое сравнение с тем, прошлым летом. Пёс и Псица целыми днями гуляли по шелестящему лесу и говорили обо всем на свете. Вначале ему было очень тяжело — слова с трудом выходили из глотки, словно их приходилось выталкивать наружу. Но он преодолел эту трудность, не самую большую, если сравнивать с другими трудностями на его тернистом пути. Только иногда слова получались уж очень честно-острыми, уж очень иногда кололись его ремарки. В такие моменты Псица вдруг замолкала, а он краем глаза замечал хорошо скрывааемые морщинки недовольства у нее на переносице. Пёс не давал никаких клятв и даже обещаний; и как-то спокойно, осознанно понимал, что внутри у него все еще пусто...

Он водил ее к реке, где растут две яблони. Пёс думал, что в этом месте умерла часть его души и удивился, обнаружив, что это не так. Когда они впервые пришли туда, Пёс понял, что все самое страшное и темное свершилось в глубине той замшелой пещеры. Пёс и молодая Псица сидели обнявшись, ласкаемые прохладой, натекавшей на землю со стороны спокойных волн; глядели в просинь ночей, которые никак не хотели становится желанно-бесконечными.

Пёс понял, что комочки новорожденного света привяжут его к жизни цепями, которые ничем невозможно будет порвать, но... сама жизнь не станет желанной; он не будет хотеть проснуться поутру лишь затем, чтобы вдохнуть аромат росы, опавшей ночью на траву у дома. Дом. Теперь Пёс знал, ради

чего он живет, но понимал, что не сможет обрести это здесь и с ней.

Он видел, как она устает от его слов и действий, но никак не мог поступать по-другому. Он и сам устал. Однажды Псица прильнула к его груди и спросила, чувствует ли он биение сердца; она не уточнила, чье сердца. Пёс посмугрнел сильнее прежнего и честно ответил: «Нет, не чувствую». Он не чувствовал биения своего сердца, а на ее сердце ему было наплевать. Псице не было больно, она была готова к такому ответу.

Ему не нужна была Псица, она была не способна дать ему то, в чем он нуждался. Пёс понял, что нужно уходить из стаи и отправляться вдаль — на поиски Белой Лисицы. Ведь еще не все потеряно, ведь она не сказала ему «прощай» вслух; он не видел острого холода безразличия в ее глазах. Еще не все потеряно. Он должен найти ее. Он должен рваться вперед, а иначе... плюнуть на все и упокоиться среди звезд.

СКАЗКА О СЕРОМ ВОЛКЕ

Серый Волк плавными, выверенными прыжками спустился с крутой каменистой гряды и медленно двинулся вперед. Он был напряжен, полностью готов к бою, обнажив сверкающие клыки. Гортанное рычание рождалось в груди и трепетало в воздухе. Волк наступал, устрашающе блестели его глаза. Напряжение в лапах, расчет во всем теле, он приготовился к прыжку...

...и резко расслабился, спросив притихших волчат, поняли они, как делается этот маневр, или нет. Он лениво улегся на траву, а маленькие смешные комочки расселись вокруг, чтобы слушать своего наставника. Серый Волк рассказывал им о том, что значит быть волком, как следует себя вести в стае, что такое кодекс волков. О том, что надо контролировать свои чувства, всегда быть хладнокровным; никому не доверять, кроме другого волка из своей стаи; не жаловаться на боль. Никогда не жаловаться! Не просить о помощи. Мстить, если есть возможность. И никогда не предавать свою стаю, ведь предателям — мечь и смерть! Волчата слушали, открыв рты, и впитывали эти премудрости, чтобы когда-нибудь стать настоящими волками. Грозными, сильными, как их матерый наставник!

Серый Волк наслаждался каждой секундой жизни. Он укрепил свое положение в стае, победив всех конкурентов в борьбе за волчицу. Она ему очень нравилась, и по весне он хотел предложить

ей покинуть сородичей, чтобы принести в этот мир новых волчат. Она, кажется, была не против. Серый Волк показал себя отличным охотником, а потому ему доверили начальное обучение молодняка. Какое же удовольствие он получал от этого занятия!

Волчата росли, игры и возня превратились в шуточные бои, а потешная грызня вскоре стала напоминать настоящие свары, но только без крови. Настало время вести волчат на их первую охоту. Серого Волка позвал вожак и дал строгий наказ: загнать зверя и позволить волчатам расправиться с ним. Пусть молодняк впервые вонзит клыки в еще пульсирующие вены! Пусть распробуют вкус горячей крови, льющейся на языки!

Серый Волк повел волчат за собой. Но у него были несколько иные планы на эту охоту. Совсем недавно он заметил на болоте одну утку. Упитанную, аппетитную... Ему так и рисовались в воображении искрящиеся глаза волчицы, когда он притацит ей в зубах эту трапезу! Утка была при утках — вот и потеха молодым волчатам. Отработать навык бесшумного подкрадывания к жертве — ничуть не менее важно, нежели потренироваться в гоне зверя. Серый Волк вел волчат на болото.

Болото отнюдь не казалось страшным и топким, какими должны быть настоящие и губительные болота. Скорее, наоборот: всё тут зелено, сочно, изобильно. Разве что земля сыровата слегка, но по ней вполне можно ступать; и даже бесшумно. Серый Волк и волчата притаились в высокой траве и терпеливо выжидали, когда утка с утятами выберется из воды на берег, чтобы порезвиться на травке. Волк немного прополз вперед, чтобы уж точно не упус-

тить желанную добычу. Он ни за что не простит себе, если явится сегодня к волчице без подношения, которым так мечтал ее обрадовать. Он увлекся и пополз дальше... поближе...

Но Серый Волк забыл, что охотятся не только волки. И не только волки учат своих детенышей убивать. Смертоносно извивающиеся ленты из чешуи плелись в узоре трав. Змея вела своих змеенышей на их первое нападение: бессмысленное, стремительное, ядовитое. Не всем волчатам стать волками. Введенные пружины распрямились из густой травы, взметнулись навстречу волчатам; они жалили своими тонкими острыми зубами. Змеи извивались среди мечущихся волчат и разили, учились убивать. А Серый Волк приготовился к прыжку на утку. Рраз! — и тонкая шея переломлена стальной хваткой челюстей. Утята обезумели, горлопанят и не знают, куда деться от смертельной угрозы. Волк стоял в замешательстве. Где волчата? Он обернулся. Светящиеся гневом зрачки разверзлись бездной отчаянья.

Мир померк, утратил краски, волчица растворилась в тумане, мертвая мать-утка выпала из разомкнувшейся пасти; все кануло в темноту среди мрачных сосен. Вот оно... На траве бьются в болезненной агонии волчата, истекают пеной из пасти. И везде вокруг эта темнота среди мрачных сосен, а в ней — желтые, светящиеся ненавистью огоньки глаз. И вой за спиной.

Ночь за ночью преследует его этот вой. Бесконечная погоня до самой смерти. Беспомощность и отчаянье. Серый Волк задрал морду к небу и хрипло завыл среди бела дня...

* * *

Могучие столпы шершавых стволов тонут в голубоватой дымке, висящей высоко среди густых колючих веток. В прогретом воздухе, трепещущем от звона кузнечиков, расчетливые пауки перелетают с дерева на дерево на клочках своих еле-видимых паутинок. Тут и там мелькают неугомонные белки. Тяжелые шмели с жужжанием маневрируют в высокой траве, выискивая подходящие цветы. Зеленые орехи неспешно наливаются древесным молоком; растениям совсем незачем торопиться. Солнечный свет тонким кружевным платком ложится на прозрачные листья и бежит по их жилкам, чтобы дерево могло набраться сил к предстоящей зиме. Цветы упиваются блеском роскоши своих же лепестков и жалеют лишь о том, что рядом нет жидких зеркал, над которыми можно склониться и взглянуть на свои отражения. Стрекотание насекомых пахнет полынью, ромашкой и клевером. Вдалеке цедит и цедит свои мрачные предсказания озлобившаяся на жизнь кукушка.

Тысячелетний лес — древний и вечно юный. Приютивший в своих древесных чертогах бесчисленные огоньки жизни; и провожающий их в небытие, когда их свет медленно угасает, — он все еще зачарован этой жизнью.

Пёс скитался по лесу в надежде набрести на любую, хоть самый призрачный, след Белой Лисицы. Она ведь не сказала «прощай» вслух? Кажется, нет. Тогда ее стоит разыскать. Может быть, в его седине она сможет увидеть то, чего не расслышала в его молчании...

Бег, бег изо всех сил, на исходе возможностей. Он приближался, четырьмя лапами стучал по земле, хрипел уже почти без воздуха. Волк показался вдалеке, в момент настиг Пса и... эти глаза; виноватые глаза, заполненные усталостью неизбежности; глаза молили о прощении и покое... и он промчался мимо. А всюду позади — капающий пеной рык, вой, хруст погони, ломящейся к кровавому мщению. Пёс кинулся за Серым Волком, не без труда догнал затравленного беглеца и подтолкнул — к болоту: «Там спасение, я знаю тропы, скорее, бежим!» Опавшие еловые иголки и пыль брызгами наполнили прогретый воздух, когда Серый Волк с Псом свернули с тропы. Хмелем и кровью пахла погоня волков.

Все вокруг движется рывками; и каждый рывок словно сдирает мускулы с костей, а сухожилия вывет тугими узлами. Упасть бы наземь, блаженно обессилить, прокатившись по траве. Но бег продолжается, изматывающий, лишаящий разума бег. Жить! Движение стало смыслом жизни. Упасть — значит пропасть, плюнуть на все, продать свою жизнь за бесценнок. Жизнь — бесценна! Бесценное нельзя продать! А потому нужно бежать!

Пёс рывкнул Серому Волку, чтобы тот не останавливался и следовал за ним точно след в след. Иначе — утонет. Они вмиг пронзили пустую полосу, где лес нехотя сдавался и уступал наползающему на землю болоту, и длинными скачками запрыгали по островкам хлюпающих кочек и редким-редким скользким камням. Острая осока норовит покуснуть побольнее, лапы соскальзывают и моментально уходят в вязкую холодную жижу. Одна ошибка, одно неловкое движение — и сегодня в

жадном чреве топи будет тлеть новая трапеза. Серый Волк устал, оступился и задними лапами провалился в чавкающие объята болота. Но Пёс успел больно ухватить его зубами за загривок и вытянуть. И снова бег, бег изо всех сил, бег на исходе возможностей. Но теперь еще труднее, еще опаснее. Жить! Серый Волк рвался вперед, чтобы жить, а Пёс вел его, чтобы выжили они оба.

И вдруг пересечена оказалась какая-то черта, которая разграничивала погоню и покой. Будто нить порвалась — можно остановиться и упасть...

...не слышен больше алчущий мщения рык, никто не ломится сквозь кусты, тишина; издалека раскатистым эхом накатил последний вой, и все затихло. А позади и везде кругом — гибельные топи болота. На кувшинках занудно вредничают лягушки. В тщетной мольбе возносят ветви к небу измученные деревца, которые день за днем душит стоялая вода. Пахнет влажным мхом и сладковатомержзкой гнилью. Сочная секущая осока незаметно подменяется крапинками колышущейся ряски; один неверный шаг — и конец. Среди мохнатых кочек юрко снуют водомерки, дюйм за дюймом исследующие свои владения. Камыши уходят корнями в непросветную муть грязной зелено-коричневой жижи. Что-то чавкает: не то кто-то кем-то лакомится в поздний час, не то пузыри поднимаются из глубины вязкой погребели, имя которому — хмарое болото. Под вечер на топи опустился туман, окончательно размыв грани между реальностью и тягучим наваждением; теперь в этом промозглом месте способен появиться любой кошмар, какой только можно вообразить...

Беглецы тяжело отдышались, оглянулись и внимательно рассмотрели друг друга.

И с тех пор, как пути Серого Волка и Пса пересеклись, два друга путешествовали вместе: среди хвой и лиственницы, по полям и тропам, вдоль рек и ручьев. Они много беседовали обо всем на свете и шли одной дорогой — в надежде отыскать каждый свое. Пёс не оставлял мечту увидеться с Белой Лисницей, а Серый Волк... он никогда не говорил Псу, куда идет. И не рассказывал, за что его хотели покарать сородичи. Впрочем, Пёс тоже поведал Серому Волку далеко не всю свою историю...

Они гнали зверя на просторах трав, простирающихся под огромным клочковатым небом. Прыжок в прыжок, взгляд понимает взгляд — у жертв не было ни малейшей надежды на спасение. Горячие трапезы скрепляли их дружбу чужой кровью. Они гуляли словно вольные ветры по необъятным зеленым просторам. Серый Волк и седой Пёс.

Сквозь дни и ночи тянулся их путь в неизвестность: иногда они дремали днем и шли всю ночь, а иногда не отдыхали от восхода и до заката. Пёс всегда был готов броситься в лучезарный рассвет и бежать до истощения, до мерцания самого последнего уголька тлеющего на горизонте захода. А Серый Волк был острием стали из лунного света и мглы, он тенью вспарывал ночной лес, чтобы блаженно задремать, как только первые лучи солнца лягут на сомкнутые веки.

Они часто спорили — что лучше: таинственная ночь или ясный день? Этот спор, казалось, мог продолжаться бесконечно и стихал лишь тогда, когда надо было снова трогаться в путь. В этих разногласиях не было победителя, а главное, они не могли

обидеть друг друга, так как дискуссию всегда можно было завершить умелой шуткой.

Пёс был благодарен Серому Волку за то, что при нем замолкали страхи, шепчущие в душе; эти тревожные, зовущие, путающие страхи. А Серый Волк все ждал, когда же им встретятся другие волки, к которым можно примкнуть...

Светом широких просторов и темнотой тайных троп тянулся их путь в неизвестность, пока однажды... одна из двух дорог не оборвалась ямой с острыми кольями на дне. Серый Волк кинулся вперед, взметнув клубы пыли, но его подмога опоздала. Челюсти хищника клацнули в пустоте, и сдавленный крик Пса утонул в глубине вырытой ловушки.

Серый Волк стоял у края ямы.

Он был благодарен Псу за спасение на болоте. С другой стороны — без помощи Серого Волка Псу вряд ли удалось бы вкушать столь сложных в поимке зверей. Серому Волку больше нравилась ночь, а Псу по душе был день. Пёс любил жар солнца, а Серому Волку во время дневного сна грезилось серебро луны. Чужая кровь не имела значения; имеет значение, когда мешаешь с кем-то свою. Да и не был этот Пёс волком...

Серый Волк постоял у края ямы, вспомнил свой кодекс... и двинулся неспешно прочь, на поиски сородичей. На поиски таких же волков, как и он...

Пёс лежал на дне ямы. Он рухнул вниз, но отделался лишь болезненной раной на задней лапе. Ему повезло — он не рухнул на колья всем телом. Он валялся среди леса кольев: раненный, одинокий, брошенный всеми... Эти колья напоминали сталактиты из той пещеры, только торчали снизу вверх. Пёс начал задыхаться, кашлять. Он снова не

хотел жить. Тяжесть снова навалилась на грудь. Он, наконец, понял цену слова «друг» для души и цену этого же слова в жизни...

Его окрикнул Сокол, заглянувший в яму из размытой бирюзовой выси, окантованной в темное кольцо западни. Птица издала оглушительный крик, эхом разнесшийся над бескрайними просторами леса, и спланировала к краю ямы. Сокол заглянул на раненого Пса и поинтересовался: как это того угораздило влипнуть в такую передрагу? Пёс рассказал все как было. Сокол спросил: что же теперь собирается предпринять Пёс, если выберется из ямы? Злобный рык был ему ответом... Теперь Пёс знал, кого ненавидеть! Он хотел мстить предателю!

Сокол нахохлил перья и поморщился. Мудрая птица рассказала Псу историю о Кроте, который преодолел множество трудностей только ради того, чтобы принести кротяткам радость. Сокол рассказал о том, как маленький зверек стремился к исполнению своей мечты, преодолевая огромные трудности на своем пути. А потом спросил Пса, о чем он мечтает. Седой Пёс задумался, лежа на дне губительной темной ямы. О чем он мечтает? О встрече — одной из встреч с Белой Лисицей. Узнать ответы на вопросы, мучающие его. Освободиться от этого существования, подвешенного между неопределенностями. Да, это то, к чему он стремится. Он честно ответил.

Мудрый Сокол улыбнулся. Так стоит ли тогда отвлекаться от своей цели и разменивать бесценное время на ненужную злобу? Или тратить его на блаженное бездействие? Сокол сказал, что если бы после этих слов Пёс все еще желал мстить, то он не стал

бы звать на помощь. Захлопав крыльями, птица взмыла ввысь, чтобы вернуться с подмогой.

Пёс долго лежал на боку и думал. Он думал о том, что никому нельзя всецело доверять; думал о том, что уже не сможет полюбить вновь; думал, что жизнь превратится в монотонно-тянущееся существование ради еще одного прожитого дня и награды в виде темной ночи без сновидений. Невеселые мысли роились в голове у Пса в ту темную ночь, в непроглядном мраке ямы-ловушки...

С первыми лучами солнца небо пронзил клеток Сокола, который привел за собой часть песьей стаи. Они помогли хромоту и уставшему Псу выбраться из западни и напутствовали в долгую дорогу, пожелав обрести то, что он ищет. А Сокол напоследок заметил, что правда скрыта в ясной синеве. Все еще злой Пёс буркнул, что в недостижимом небе нет ничего, кроме облаков, до которых нельзя даже дотянуться...

Сокол взмыл в небеса. Он-то знал, где скрыта правда. Но чтобы обрести способность видеть ее — нужно научиться летать. А научиться летать можно только самому, множество раз падая на землю, когда снова и снова пытаешься достичь ясной синевы. И мудрая птица издала пронзительный клич торжествующего преодоления, эхом разнесшийся над бескрайними просторами леса.

СКАЗКА О ГЛУПОЙ БЕЛОЙ ЛИСИЦЕ

...Белая Лисица вспоминала ту незабываемую зиму. Упругий снег поскрипывал под лапами. Было светло и хорошо. Тогда Белая Лисица окончательно убедилась, что снег и луна созданы друг для друга! Луна светит с небес; так нежно, так загадочно-тихо, а снег подхватывает это сияние, умножает его, преображает. Тысячами маленьких лун и искорок отражается лунный свет в кристаллах снежного покрова... так хорошо, так свежо, и не холодно совсем... ну разве что самую-самую капельку — да так это от мороза! Честное слово, честное-пречестное лисье! Снег лежал на лапах елей, сыпался с неба мягкими комочками, которые так забавно лопать высунутым языком. А рядом семенит Пёс...

Маленькая Лисица вздохнула, сдержала слезы и оставила на земле глубокий отпечаток своей лапы, прямо рядом с желтой розой. Она ошиблась, что поверила еще раз — оступилась, снова позволила пройтись острой гребенкой по своей душе. Снова больно. Как и тогда. Пёс не пришел, бросил. Вначале окладел, а потом бросил. Он стал таким молчаливым, как и Серый Лис; таким замкнутым, грустным. Не любил, по-настоящему не любил! Иначе исполнил бы данный обет, обязательно увел бы от одиночества жизни. Белая Лисица всхлипнула, но не заплакала. Не стоил он ее слез!

Она заметала следы. Делала это так, как учила — по всем законам лисьих премудростей. Так,

чтобы ни в век их не сыскать. Она уходила по прайсам.

Уходи, если нет возможности остаться.

Когда сделан первый шаг, то уже нет дороги назад. Важно не ошибиться в выборе.

Не стоит бояться делать второй шаг, если первый уже сделан.

Не оглядывайся назад, уходя.

Если решено уходить — не стой!

Белая Лисица сделала шаг. За ним второй. И побежала. Она была так расстроена, так унижена, что забыла о главных правилах уходящего: уходи не попрощавшись, молча; если нет иного выхода и надо уходить — то прости все, забудь все обиды; оставь в прошлом все печали и иди с чистым сердцем; а если, уходя, не можешь простить, то помни — ты с этим еще встретишься, проблема не исчезнет, она усилится во много крат.

Белая Лисица не могла простить Пса. И не могла забыть чувства, которые испытала: сначала к Серому Лису, потом — к лохматому Псу. Хмурые облака плакали с небес о том, что так важно не ошибиться в своем выборе. Белая Лисица бежала, куда глаза глядят. Лишь бы подальше от того места, где, как ей казалось, окончательно умерла ее душа. Ее белый хвост мелькал среди деревьев и кустарников, мелькал так, что не поймашь, как ни старайся...

Начиналась новая зима. Снегопад валил сплошной стеной, земля укуталась холодным белым пухом, сугробы неумолимо росли. Все произошло как-то очень быстро, и Белая Лисица даже не заметила, как очутилась посреди слепящего глаза простора. Зима. Холодная. Чистая. Ей сразу вспомнилась та зима, которую она провела с Псом. Вспом-

нилась, и защемило вдруг что-то между ребер. Белая Лисица остановилась и повернула свою острую мордашку назад.

Что с ним? Где он сейчас, интересно? Лохматый такой... Может, она зря вот так убежала? Может, стоило с ним увидеться, убедиться, что он не пришел по своему темному умыслу, что действительно предал? Стоило? Стоило! Почему она раньше не подумала об этом?! К чему было бежать, корить себя, когда нет никакой ясности? А вдруг он там сейчас совсем один: сходит с ума и не может отыскать ее следов? И Белая Лисица побежала обратно; чтобы снова вернуть себе те чувства, которые были ей дороже всего на свете. Она побежала, чтобы вернуть все это мимолетное счастье хотя бы на время этого самого возвращения назад, если вдруг окажется, что... нет! Не надо об этом думать, не сейчас! Ее мохнатые черные лапки быстро и легко ступали по хрустящему девственному снегу.

И вдруг Белая Лисица услышала музыку. Тихую, переливающуюся, спокойную, вязкую, баюкающую, зовущую. Она пошла на эти звуки, свернув с намеченного пути. Ей хотелось подойти поближе, послушать чудесную музыку повнимательнее, узнать всю мелодию целиком. Музыка струилась над ровной поверхностью снега, заполняла собой всю округу. Ее было слышно везде: на земле, в небе, она забиралась даже под землю, проникая туда по норам мышей и кротов...

Музыка звала подойти и внять великолепию свершенной мелодии. Но Белая Лисица тряхнула головой, развернулась и решила идти прочь, искать Ню. И вдруг музыка прошептала ей: «Хочешь узнать ответы на все вопросы?... сделай шаг... один

шаг... шаг сюда...» Белая Лисица не смогла устоять перед искушением. Но обещанные ответы не посыпались из потока чудесных звуков. Музыка только задавала новые вопросы, тихо манила, звала идти все ближе и ближе...

...Хочешь узнать, почему он сказал «да, уверю»?.. — она сделала шаг вперед.

...Хочешь узнать, почему он молчал?.. — да, она хотела это знать. Шаг вперед.

...Хочешь узнать, любит ли он тебя?.. — шаг вперед.

...Хочешь узнать, почему он не пришел?.. — шаг вперед.

...Хочешь узнать, от чего вам надо страдать?.. — шаг.

...Хочешь узнать, для чего вы тут, в этом мире?.. — шаг вперед.

...Хочешь узнать, как устроена Вселенная и зачем ВСЕ существует?..

...в этот момент Белая Лисица поняла — еще шаг, и назад дороги не будет. Она не сможет вернуться. Но как манили ее эти обещанные ответы! И она сделала еще один шаг, только вперед. Вокруг сыпались вниз золотые осенние листья, рубиновые ягоды ждали зимующих птиц, белые цветы источали пьянящий аромат, который можно вдохнуть только во владениях Вечной Осени. Удивленная и восхищенная таким великолепием Белая Лисица медленно шла по направлению к холму, куда стягивались и другие зачарованные животные, не сумевшие отказать искушению...

Шаг вперед; музыка стала печальной, многоголосой, пронзительной, и в ней наконец-то зазвуча-

ли ответы — ...он не мог терпеть боль в твоих глазах. Ради тебя он был готов на все...

Она сделала шаг вперед — ...он молчал, потому что надеялся, что ты оценишь его преданность, граничащую с глупостью, но забудешь о том бессмысленном обещании, не станешь отнимать у него то, что ему дорого, но лишь приумножишь счастье его бытия, сделаешь его полнее, сделаешь его завершенным. Молчал, надеясь на немое понимание в ответ...

Легкий шаг вперед — ...он любит тебя больше жизни, за тебя он готов умереть, за тебя он чуть не умер, чуть не задушил себя жестокой хваткой соевости. И все ради тебя одной...

Еще шаг — ...он не пришел, потому что устал от тяжести, носимой в душе. Ему нужно было отдохнуть, он пропустил ту встречу, провалившись в несчастные объятия сновидений, которых не увидит больше никогда. А потом молнией летел к двум яблоням, где его ждала пропасть отчаянья, выкопанная тобою...

Неосознанный шаг вперед — ...все души страдают, так как только через страдание можно найти свой путь и научиться ценить то, что имеешь. Путь и участь всегда лежит через страдания...

Неконтролируемый, шаткий шаг — ...вы в этом мире, чтобы найти любовь и оставить потомство, в котором будет приумножен ваш опыт и опыт всех поколений, что были до вас. Потомство, которое наконец найдет свою любовь и сделает мир лучше своим потомством...

И это все?! Это — и есть обещанные ответы?! Они ведь такие простые! Остановись, отвлекись от себя, взгляни в себя — вот они, лежат прямо в душе!

Они такие простые, эти ответы! Но Белая Лисица уже не владела собой. И только на один вопрос она теперь не знала ответа: как и зачем устроена Вселенная? Белая Лисица села у холма, а дальше... дальше ее разум растворился, перестал существовать, так как полученное знание уже не предполагало существования личности...

...осень казалась бесконечной, опадали позолоченные лепестки деревьев, беспокойный ветер плутал в лабиринтах пожухлой травы, и ирреальная мелодия тягучими потоками лилась с холма вниз, расплзаясь по поляне. Худая рука уверенно водила трепещущим смычком по светящимся струнам скрипки, а лица Скрипача не было видно, оно скрывалось в темноте глубокого черного капюшона...

* * *

Пёс не понимал, почему животные могут так поступать друг с другом. Он утратил веру во все, включая самого себя. Может, это он все время был не прав? Не прав, когда полюбил Белую Лисицу; был не прав, когда душил себя виною за нарушенный обет; был не прав, когда доверился Серому Волку; может, это он сам не прав во всем? Что же делать? Ответ очевиден — оставаться в одиночестве, не пускать внутрь себя никого, не привязываться ни к кому. Но разве Псу позволено не иметь привязанности ни к кому? Наверное, да, он ведь выстрадал это право. Но как провести грань между собой и другими? Как надо вести себя для того, чтобы спасительное затворничество души не превратилось в гордыню самосозерцания? Как остаться живым, не при этом сделать так, чтобы тебя никто не мог ра-

нить? Надо просто не цепляться за тех, кто не хочет цепляться за тебя. Но нельзя уходить молча, все слова должны быть сказаны. Иначе слишком просто совершить ошибку, которая сделает больно. Но вдвойне надо быть аккуратным со словами, когда говоришь «прощай», ведь они способны принести еще больше боли или оставить непогашенным огонек надежды, который будет теплиться понапрасну...

Вокруг целый мир; есть бесконечность созерцания его красот, которые каждый раз не такие, как в прошлый раз. Но ведь хочется общения, хочется произносить слова, чувствовать их скрытую силу и слышать речь в ответ; хочется сообща творить какое-нибудь благое дело. И измученное сердце все еще жаждет любви, хотя с трудом верится, что оно еще способно через вдыхаемый аромат чьей-то шерсти вобрать в себя это чувство и живительным теплом разнести его по венам.

Он называл Серого Волка другом и слышал слово «друг» в ответ. Пёс слышал это слово повсюду, им необдуманно разбрасывались на каждом шагу. Было противно, что такое сильное и ценное слово накрылось коростой лести. Просто скажи «друг», когда что-то нужно, — и увидишь: отношение будет совсем другое, так ты быстрее достигнешь своей цели. Скажи слово «друг», если хочешь подобраться к кому-то со спины и впиться ему в шею прижатой хваткой челюстей, дробящих позвонки. Говори слово «друг» по любому поводу. Это слово ведь ничего не стоит, ни к чему не обязывает! Но... на дне в глубине дремлет понимание истинного значения — значения схожего со словом «люблю». И именно поэтому это слово снова и снова неизмен-

но становится инструментом корысти, лжи и предательства. Были ли у Пса друзья? Он задумался. Кроме родителей, братьев и сестер, похоже, нет, не было. Разве что Белая Лисица. Но какой она друг, если не попрощалась, глядя в глаза?! А какой друг из него: пообещал невозможное и обманул?! Пёс негромко зарычал, перепрыгнув поваленное мертвое дерево, которое со всех сторон облепили грибами-паразитами. Оба хороши, дуралеи!

Он все еще надеялся отыскать Белую Лисицу, но не знал, куда идти. Он хромал на больную лапу и брел по владениям наступающей осени, направляясь туда, где лес упирался в небо вершиной горы. Деревья меняли наряды, будто не уразумели за многие десятилетия, что роскошь золотых платьев непременно сменится заиндевевшей наготой. Все в мире повторялось раз за разом, все одно и то же; но каждый раз — по-разному. Пёс брел по сырой траве, меж кровинок брусники во мхе. Раньше он радовался редкой возможности поговорить с какой-нибудь птицей, но теперь даже не обращал на них внимания. Он так устал от того, что они всегда без предупреждения вспархивали в небо и бесследно исчезали с хлопаньем крыльев.

Птицы осени вплетали свои грустные песни в космы леса. Под лапами Пса шуршали золотые и алые опавшие листья, как клочья порванной картины, прекраснее которой никогда не было и не будет. Вперед и вперед — по клочкам сказочного полотна, чтобы, возможно, когда-нибудь отыскать пейзаж не хуже...

Река звала подойти поближе, присесть у бережка и послушать светлые сказки, которые в журчании проговаривает подвижная прозрачная вода.

бегущая меж гладких камешков на мелководье. Пёс был благодарным слушателем и не смог откаяться реке в компании. Он так любил склониться над струящимся потоком и внимать всем этим сказкам, которые напевает далекий родник, берущий свое начало в седых мудрых горах...

Пёс зачарованно слушал и был благодарен реке еще и за то, что она не отражала в своих суетливых водах его седую морду. Ему было неприятно смотреть на свое отражение.

А сказка воды все журчала сквозь разум, заставляя сопереживать, грустить и улыбаться, но непременно принося спокойствие и умиротворение...

Пёс сидел у воды очень-очень долго: внимательно слушал и делился своей историей, чтобы река могла поведать ее кому-нибудь еще, кто оценит, возможно, даже поймет и сделается хоть чуточку мудрее. Он даже сразу и не заметил, что не один на поляне. У места, где склон убегал вниз, а река начинала петь сказания о далеких битвах и позабытых победах, сидел бурый Медведь. Такой косматый, большой, угрюмый, немного сгорбленный. Он сидел и смотрел на небо, где стягивались темные осенние тучи — первые вестники настоящих гроз этой осени. Много можно узнать о живом существе, если понять, в чем его измученная душа находит утешение. Пёс медленно подошел и сел рядом, постаравшись смотреть туда же, куда глядел Медведь...

СКАЗКА О МЕДВЕДЕ И ДОЖДЕ

Забавная мордочка со сморщившимися черными глазками высунулась из берлоги. Большой нос жадно втянул побольше теплого летнего воздуха и фыркнул. Медвежонок радостно выкатился из берлоги и вперевалочку побежал к другим медвежатам — поскорее качать игрища. Он бежал, немножко спотыкаясь, словно по земле скакал какой-то мягкий упругий шарик: нельзя было не улыбнуться, глядя на этого малыша.

Искрылись шумящие пороги реки, где взрослые медведи ловили рыбу, сильными ударами своих лап выкидывая на берег трепыхающиеся чешуйчатые тела. Временами они громко береговаривались, и от этого рыбка дрожали все деревья в округе. Медвежатам было нечего бояться, они беззаботно ревелись на залитой светом поляне: катались, боролись, порывались друг на друга. Воображали себя взрослыми, выросшими: сильными, могучими медведями и лежными преданными медведицами. А когда воины утомили их — пошли искать землянику. Разумеется, вовсе не надо было ее искать, летом земляники полно, куда ни кинь взгляд. Но медвежатам хотелось приключений, а потому они отправились в рискованное путешествие на поиски сочных сладких ягод — аж до самого края поляны.

Бурый Медвежонок тоже побрел с ними. Он любил далеко отходить от своей мамы, но эта земляника... эта земляничка манила его даже больше,

чем рыбка, даже сильнее, чем тигучий медок. Медвежата толкались, скусывали по стебелькам сладкие ягоды и иногда останавливались, чтобы сладко лениться. Они уже нагулялись так, что почти засыпали. И тут Медвежонок поднял глаза к небу: чистому, синему, в курявых белых облаках. Он вспомнил о целых полях земляники; о таком месте, где ягоды растут как трава, так их там много. Медвежата постарше захихикали и решили подшутить над самым малышом. Они сказали, что на верхушках осин как раз и есть такие места; нужно просто подняться на дерево, на самый верх — и можно целый день жевать ягоды поляным ртом. Медвежонок смотрел в шаркающее небо и слушал, как ни в рот от изумления и красоты; ему вдруг представились восхитительные перспективы.

Роботный побежала обратно к взрослым медведям, а Медвежонок остался. Он медленно, задумчиво брел по краю опушки и присматривал осину. Березы, дубы, клены — не устраивали его категорически. Ему нужна была осина! Точнее, то, что торчало на самой-самой ее вершине, в хроне. Где-то там, вверху, есть целая полянка земляники, лежа на которой можно жевать ягоды и мечтательно смотреть в голубое, чистое небо.

Налили ствол осины оказался куда толще, нежели представлялось издали. Вот беда! Медвежонок тряхнул головой и пеловко примерил: с какой бы стороны забраться кверху? Он обошел дерево четыре раза, когда, наконец, решился и подпрыгнул, закинув лапу выглотками. Забраться на такую высоту совсем не так просто, как это было первоначально обманчивым воображением. Суровая опасность встретил Медвежонок не самым при-

ветливым образом. Прошло немало времени, пока Медвежонок сумел кое-как зацепиться и медленно поползти по стволу наверх. Он несколько раз падал, но тянулся к цели, не отступал. Упорства Медвежонок было не занимать, и старался он очень, а потому вскоре с удивлением обнаружил, что добрался до середины ствола. Взгляд вверх — и легкое беспокойство закрадывается внутрь; по-смотрел вниз — уже столько преодолено, но еще столько впереди! А как же страшно будет там, на вершине? Но Медвежонок полез дальше. Там, наверху — поляна земляники. Ради такого можно постараться.

Каково же было удивление Медвежонка, когда на вершине осины не оказалось никакой земляники! Так обидно, какое разочарование! Куда делись сладкие ягоды? Их никогда тут и не было? Или, может, их кто-то уже съел? Кто бы это мог быть? Дятел? Или, может, хомяк? А может один хомяк съест целую поляну земляники? Тогда хомяков было много... а сколько? Медвежонок разом задумался о тысяче всяких глупых мелочей. Хрустнула ветка, лапы скользнули вниз, и Медвежонок упал на землю. Дикая боль прострелила тело и, казалось, расколола голову. Медвежонок завизжал. И было в его крике ужас обманутого ребенка, способный заставить пустить слезу даже камень. Но капли, лежащие неподалеку, почему-то не заплакали. Плакал только Медвежонок. Сквозь колышущуюся пелену слез он отстраненно смотрел на сочную землянику, которая росла в траве у самых корней коварного дерева.

Мама Медвежонок сильно волновалась и нашла его очень быстро. Медведь-отец помог перевести

берлогу этот лохматый плачущий комочек обиды и боли. На следующий день пришли другие медведи: они извинялись, плакали, просили прощения. Медвежонок улыбнулся сквозь слезы и сказал, что, конечно же, не сердится. О нем заботились, как ни когда; говорили всякие приятные вещи, усердно выхаживали. Они даже пригласили издали Бобреху, которая помогла приготовить целебную смесь из трав. Вязкая зеленая замазка была отвратительна на вкус, а главное (и Медвежонок это откуда-то знал), совсем не помогала.

Лето кончилось, отгремели осенние грозы, пролились бесчисленные слезы неба, миновала одетая в белый сарафан зима, природа оживала с дыханьем весны. Лапы ерзали, но сильно болели. Друзья забыли о Медвежонке, очень редко заглядывали навесить его; делали это, наверное, только тогда, когда им велели суровые родители. Бобреха сказала, что нужно много ходить, разрабатывать пережатые конечности. И Медвежонок правда пытался. Правда! Пытался!!! Но не мог. Лапы так сильно болели, так ныли от каждого шага. Да и... не хотелось особо выдвигаться. Когда рядом нет друзей, когда они играют на залитой солнцем поляне и даже не замечают тебя, стоящего в тени деревьев. Нет, не хотелось выдвигаться. Медвежонок все чаще садился и смотрел на небо. Все меньше и меньше.

Настал день, когда медвежонок окончательно издох и стал Медведем; но среди своих он был изгоем. Никто не относился к нему достойно или хотя бы с пониманием. Когда покалеченный зверь неуклюже проползал мимо, то другие медведи просто отворачивались, не видели его. И только затем, чтобы

потом грустно взглянуть ему вслеп и тайком пожелать. Но никто не решался заглянуть кромсому Медведю в глаза. Что они боялись там увидеть? Ведь там не было ничего, кроме одиночества и боли. А одиночество и боль страшны только тому, кого они мучают. И только кто-то другой может помочь унести их прочь, изгнать из страдающего сердца. Никто не желал помочь Медведю в его горе.

Однажды Медведю надоела такая жизнь, надоела ненужная взгляды в спину, надоело хромать, всех на виду. Он стиснул зубы и ушел вниз по реке. Он отыскал себе местечко под уютную берлогу, вход которой был укреплен корнями старого засохшего дерева, и стал там жить. Ловил рыбу на мелководье неподалеку, летом ел всякие ягоды, зимой ходил в сладкую слячку. И неизменно, и везде опирался на обе задние лапы. А еще никогда в жизни больше он не ел земляники.

Он не сердился, не таил обид на других людей. Они такие, какие есть. Что уж тут поделаешь! Просто ему было одиноко: очень-очень одиноко. Он много думал: о себе и о мире, о небе и траве, о ночи и днях, о лете и зиме, о весне и осени. Больше всего он любил осень...

Конечно же, была у него своя отрада; занятием, которое поглощало его всего без остатка. Он сидел на холме неподалеку от берлоги (такой когтистый, большой, угрюмый, немного скорблекный) и смотрел на открывающийся вид. Оттуда был виден лес — далеко-далеко он уходил вниз по склону; молочнокосматое небо. Медведь мог целый день сидеть вот так в глядь на облака, воображая, что же они похожи. А они были похожи на все, что только видел он в мире: на деревья и на рыб; на

других медведей, на грибы и на бабочек, и даже на чужую порой походили эти чудесные облака. Только не любил Медведь, когда облака похожи на осину и землянику, а такие облака, как это не прискорбно, порой проплывали по небу...

Очень Медведь любил большие всего. Когда пахнут алагой. Вода еще не вошла в землю, а уже падают с неба новые капли, шелкают по носу и телу в пасть. А потом как зарядит дивень, вымочит всю бурую шерсть. Но Медведь не уходил — оставался сидеть на холме. Косматый, большой, угрюмый, сторбленный. И он слушал дождь, знал его язык, внимал его лению. И восхищался исполохам молний, и содрогался от великолетия громовых раскатов.

Он не сердился, не таил обид на других медведей. Они такие, какие есть, что уж тут поделаешь. А у него есть осень. И дождик. Хорошо, когда у тебя есть что-то есть.

они беседовали и беседовали. Пес поведал Медведю свою историю. Тот слушал внимательно, заинтересован, ни разу не перебивал, как и ни разу не свела глаза от неба, где собирались тучи. Медведь молчал, а Пес рассказывал и рассказывал, снова повторяя все свое горе. Он проговорил вслух все печаль и страхи, и сделалось как-то легче, словно что-то стало понятнее, хотя Пес и не вполне осознавал, что именно. Медведь слушал, а потом, вместе с полным разрядом молнии, резко прервал Пса. Молнии на ночь. И прислушался. Издалека на лесной опушке слышно, что перетирают камни в песок в том

места, где рождается. Медведь зажмурился, впитав в себя этот звук и, еще раз цыкнув на Пса, застыл блаженной улыбкой на морде. С неба упала первая капля дождя и попала точно Медведю на нос. Бурый великан умиленно вздохнул, открыл глаза и заговорил. Медведь бубнил тихим, едва слышимым басом, в котором не было ничего, кроме доброты и глубокого одиночества. Пошел проливной дождь. Его вертикальные лучи лупали по земле. Запахло мокрой шкурой. Медведь был такой косматый, большой, угрюмый, а теперь еще и намок — отчетливо казался совсем грустным. Словно один живой во всем мире. Он рассказывал Псу все, что только мог рассказать. Делал это медленно, обстоятельно. Он рассказывал об облаках, похожих на деревья, на рыбу, на других медведей, на грибы и на бабочек, рассказывал самые интересные истории, услышанные за жизнь; рубанул всю правду с животных, которых когда-либо встречал; сказал царю неслыханных слов и о самом Псе — честно, не кривя душой. А еще он рассказал Псу о страшном и непонятном Скрипаче, который играет зарюющую мелодию, в время преобразяющую мир в вечную осень. И все животные идут туда услышать ответы на мучающие их вопросы, но результат неизменно один — ослепки кровавой трапезы Скрипача, пожирающего свет урочный. Он сказал, что глухая Ворона видела, как за последний концерт Скрипача, который был в начале минувшей зимы, шла маленькая Белая Дюсидя. Глухая Ворона не пошла на зов. Медведь рассказывал, как добраться до той поляны. Пёс собрался бежать туда, но Медведь остановил его.

Он зачем-то начал рассказывать Псу о сич-бушке. Она прожила длинную и не самую простую

жизнь. И всегда — всегда! — она говорила молодым медвежатам только одно: «Я хочу, чтобы вы были хорошими». Но как она это говорила! Она вкладывала в эту простую фразу столько чувства, столько искренности и столько мудрости прожитых лет, что эти слова навсегда вливались в сердце. Бабушка не ранила за молодых, кем им быть, какую дорогу выбрать, как поступать. Только: «Я хочу, чтобы вы были хорошими». Неважно как, каждому свой путь. Но: «Я хочу, чтобы вы были хорошими». В простых словах скрыта правда начал. Медведь спросил Пса, понял ли тот, зачем это было сказано.

Пёс задумался. Представил, что обнаружит на поляне, где играл на скрипке Скрипач. Вспомнил о смысле жизни. Вспомнил испепеляющую печальность и попытки думать о бессмертии. И ответил, что понял. Медведь улыбнулся. Весь такой мокрый, болезненно вскрикнув, он встал и на неестественно повернутых лапах медленно, ужасающе медленно, побред в берлогу, соиздаваемый осенним лесом, который так любил. Который был тем непонятным, чем радовала его жизнь. Пёс глядел ему вслед, но не так, как это делали другие медведи. Это он понимало у Пса в груди каждый раз, когда Медведь делал свой болезненный шаг по тропинке от холма к берлогу, от холма к берлогу, и от берлогу — на холм. Из двух ничтожных клочков расстояния складывалась и тонула в бесконечное одиночество горная жизнь покалеченного Медведя. Пёс вспоминал на свои лапы, которые были способны нести его на многие и многие мили. «Я хочу, чтобы вы были хорошими». Что то внутри стозвало, отозвучивало на эту мольбу. Да, это была истина. Наверное этого должен хотеть от себя тот, кто жела-

ет дотянуться до своей мечты и реализовать смысл жизни. Именно это стоит запомнить, и этим стоит жить.

Пёс тихо сказал Медведю вслед:

«До свидания, друг...»

...и бросился прочь — к поляне, где зимой худая рука Скрипача водила смычком по трещащим струнам чудесной скрипки, дающей ответы на любые вопросы; и даже на тот, чего именно следовало желать ближним...

СКАЗКА О МЕЧТЕ

Если была бы возможность хоть на мгновение вылезти от подлунного мира, забыть о суетной смене сезонов, о непримиримой борьбе жары и холода, и опуститься ниже — туда, где в почве извиваются черви, — то, взору открылся бы совершенно другой мир... (точнее, вряд ли он открылся бы взору, так как под землей абсолютно темно, и увидеть там что-либо весьма затруднительно; хотя это лишь предположения, и которые совсем не обязательно углублять, чтобы понять суть)... этот мир был сокрыт от света солнца дупной рыхлой почвой и неподъемной тяжестью тысячелетних камней. Никому не дано было осветить этот мир — чтобы единожды и навсегда.

Но и здесь теплилась жизнь, которая в столь жестких условиях согревалась точно так же, как и жизнь подлунного мира. Только в царстве вечной ночи это давалось куда сложнее. Опасности подлунного мира не касался ни изгибом неровных пор, и каменной непроверенной нате, западня кроется и в каменных стенах ходов, готовых обвалиться в любой момент. Но мракобесие не имеет значения, и жизнь здесь всегда пасторже. Здесь, во мраке — там вылезает червь, готовый в любой момент накрыть ступающей жертве тело, — здесь само существование всегда на пределе.

Но и здесь главные жители подземелий собирались вместе и рассказывали друг другу сказки. Они

рассказывали о мире наяву, о темноте, светлоте, от блеска звезд! Таких ярких, что на них невозможно смотреть! В бесконечности — мириады звезд прекрасных, чистых, сияющих осколков чьей-то светлой Мечты! Они стояли того, чтобы на них взглянуть, но нестерпимо жгли привыкшие к мраку глаза. О них можно было только рассказывать те редкие минуты покоя, когда жители подземелий собирались вместе.

Слепому Кроту было невыносимо слышать, как маленькие кротята грустят о том, что никогда-никогда не увидят звезд и даже не услышат правдивого рассказа о них. Им все свои жизни придется довольствоваться домыслами и небылицами о верхах мира. И Крот решил, что принести радость комочкам новой жизни — достойко риска. Он метал, как увидит звезды, запомнит их расположение, их звучные имена, их чудный свет, а потом вновь погружался в подземелья, чтобы во мраке поведал кротятам все, как оно есть на самом деле. Зачем мечтать? Ведь мечты нематериальны, не значат ничего... Но как-то получилось, что Крот жил над этой мыслью. Он сам выбрал путь и шел к своей Мечте. И главным казалось — нигде не свернуть с пути. Однажды Крот решился на рискованное предприятие и молча покинул свой дом.

Запретными туннелями и опасными пещерами он выбрался к поверхности и затаял дыхание в повороте к выходу из норы. В лесу стояла ночь. Крот настороженно высунул свою мордочку. Звезды обожгли глаза своим нестерпимым светом. Он провзали веки, били в глаза и болью вливались в сознание. Крот вскрикнул и сорвался.

Но его Мечта... слепые кротята там вкисли... Поверить в Мечту, надо поверить в Мечту, скорее!

Он высунулся еще раз, ради них.

Надо поверить в Мечту, как в красоту!

А потом высовывался еще многие тысячи раз.

Нужно поверить в Мечту, как в доброту!

Он постепенно привыкал к болезненному сиянию ночи.

Поверить в Мечту — и в Путь! Он не свернет!

Рассвет застал его врасплох и чуть не ослепил. Алое зарево восхода, казалось, разгорелось на горизонте лишь с одной целью — лишить его рассудка. Крот спрятался в норе и задумался. В подземном мире даже не слышали о солнце, а оно сияет в тысячу раз сильнее звезд! Почему они были лишены этой великой сокровища знаний? Почему кротята не знали про величайшую из всех звезд — про двенадцатую звезду? Несправедливо! Кто-то должен рассказать им правду! И если не он, то кто? Больше никогда. Это Мечту никто больше не воплотит в жизнь.

Назавтра известно, что стоит шаг пройти — и жизнь изменит след: обратного пути у жизни просто нет. Крот не смог бы повернуть назад, даже за двенадцатую звезду мира. Его душу уютно грела доброта, светлая Мечта, ради которой он был готов на все. Крот замуровался и медленно стал пробираться к выходу из норы, не обращая внимания на палача боли, порывающее выжечь полуслепые глаза.

Прошло немало времени, прежде чем Крот начал смелее поглядывать на звезды открытыми глазами. И вот же они — эти звезды — были прекрасны! И на величии тонуло все, что он мог

себе представить. Они блестели, шептались, ласкали и рассказывали истории: каждая по отдельности и все вместе. Бесчисленные истории обо всем на свете. Не нужно даже талавта, чтобы обернуть в слова эти разбросанные по небу осколки чьей-то чистой Мечты и отнести их кротяткам — так они были прекрасны, эти звезды! Но Крот не собирался останавливаться на достигнутом! Он во что бы то ни стало хотел взглянуть на солнце! Словно слова могущественного заклинания, он шептал себе под нос свой собственный приказ:

Поверь в Мечту, поверь в Мечту, поверь в Мечту, скорей!

Поверь в Мечту, поверь в Мечту, как в доброту

Поверь в Мечту, как в красоту, поверь когда-нибудь!

Поверь в Мечту! Поверь в Мечту — и в Путь!

Его крохотные глазки слезились, но по ночам Крот отдыхал. Спокойно, не щурясь, изучал звездное небо подлунного мира, которого не видел никто из жителей глубинных нор. Он восхищался великолепием мира под небом, готов был остаться тут навсегда, но не ради этого был проделан Путь. Не исполнение Мечты: миленьких кротят влекло его куда дальше своего благополучия.

Однажды днем Крот сморгнул с глаз омерзевшие набежавшие слезы и сумел разомкнуть веки. Он увидел солнце! Маленький целеустремленный смельчак понимал, что сможет описать его очертания красочно, так, что кротята будут сидеть, открыты, и сутками слушать его рассказы. Но для себя он не находил слов, чтобы описать то, что выстрогал увидеть. Ему было трудно описать зелье божьего

мирового мира, залитого теплыми лучами пламенного солнца. Крот понял, что выбрал правильный путь — его Мечта непременно сделает кротят счастливыми, но она сделала счастливым и его.

Вниманию Крота схватил старый Сокол. Он несся над залитым солнцем миром, подняв высоко в небеса. Гордая мудрая птица была удивлена, что крохотный крота безумного отчаянья Крот издал вздох небывалого восхищения. Сокол посмотрел на свою добычу и заметил, что Крот оказался зрячим, что он смотрит в небо лишь слегка щурясь; заметил, что Крот оценил это небо и этот мир, что простирается над ним. Тогда Сокол не смог не спросить Крота о его судьбе. Тот рассказал о слепых кротятках, о долгие звездных ночах и обжигающих солнечных днях, и о своей Мечте. Сокол вернул Крота к норе, бережно подхватил, бережно опустил на землю и с привычным клыком унесся ввысь. Крот долго провожал его взглядом, встретил последний взмах, еще раз взглянул в паутину звезд ночи и отправился в обратный путь.

Крот улыбался и возвращался в глубинные норы, где его правдивых историй ждали слепые кротята. Он улыбался и гордо спрашивал у всего мира: когда же, наконец, все поймут, что если поверить в свою бескорыстную Мечту ради близких, поверить в нее, как в доброту, — то сблизиться с дорогой к счастью возможно. И даже среди мириад звезд будет одна звезда, которая станет для тебя путеводной. Так думал Крот, улыбался и возвращаясь в свои подземные жилища с ценнейшим грузом: с рассказом о маленьких кроточках, что только недавно оказались в эту жизнь и, увы, были обречены на

слепоту. Кто знает, возможно, когда-нибудь и они смогут поверить в Мечту — каждый в свою, и каждый не ради себя — тогда и им зажгутся на небосклоне путеводные звезды, которые не затмит даже выжигающее глаза дневное светило. Крот улыбался. Он-то знал, что Мечту не затмит ничто, если она не ради себя; этот маленький Крот, ползущий по леопардовым норам, вырытым в душной рыхлаой почве и придавленных сверху неподъемной тяжестью многотысячелетних камней.

А Сокол парил высоко в небесах, внимал их мудрости и их высокой правде: и думал: если живая душа приходит в этот мир, чтобы дотянуться до путеводной звезды своей чистой Мечты, Мечты ради ближнего. — и оступается на своем пути, гибнет; то заблуждается не душа, а этот глупый мир до сих пор не сумевший понять главного.

* * *

Пёс снова начал болезненно задыхаться, хрипеть: от бешеной скачки, от жгущего страха. Он боялся, что его худшие опасения подтвердятся... и темному ужасу, призывая себе, что ничуть не меньше сердце замирает от того, что на поляне не найдется ее останков, что он так и не услышит судья Белой Лисицы. Определенность и ответы на вопросы — неужели они играют в этом мире такую большую роль, что ради них готовы жертвовать жизнью: своими и даже чужими? Наверное, «да», если только из-за расставаний многие готовы умереть. Но стоят ли ответы чужей-то жизни?

Тайные тропы зверей уходили в ночную мгла, грязь вязла под лапами и летела во все стороны от

ними липкими комьями. Но Пёс четко видел дорожку. Он даже и не подозревал, что меньше года назад именно этой тропой убегала прочь Белая Лисица. Если бы сохранились отпечатки ее лапок на снегу, то стало бы видно, что они бегут почти след в след. Но снег растаял, ничего не осталось, ведь стоит шаг прийти — и время заносит след. Обратного пути у жизни просто нет.

Шел проливной дождь, а Пёс, казалось, несясь между каплями, успевав обгонять их, огибать, чтобы они не смели задерживать его! Рваться! Рваться туда! На ответах! На ту поляну, где зимой играл Сериняч, словно еще можно успеть что-то изменить!

Разумным воём пришла к нему ее смерть. Вой до самого неба, и выше, выше этого недостижимо высокого неба! Эти кости не смыть дождем, не искупить их солнцем в пепел, не укрыть сочной травой, не спрятать под ослепительным снегом. Они будут болеть в душе такими прекрасными и такими уродливыми острыми колющих лезвий. Назаванному в битве смерть жизнь заплатила ядом убитых.

Шел проливной дождь. Пёс не успел сказать: «Прости!» Вместо него теперь бая правил дождь, наступавший по своему разумению. Ливень сумел затмить ее пушистый свет, гром своей тяжестью раздавлен шепот ее задорного голоса. Как бы ни любили — смерти наплевать, она возьмет свое: и тут уж плачь — не плачь, вой — не вой. Жестокая прихоть жданной смерти велела ему кричать, но Пёс вдруг понял, что крик не значит ничего, когда тебя никто не слышит.

Но любовь зовет идти вперед: есть смысл жизни, есть жажда света. Совсем другого света, не похожего на этот, который погас под проливным дождем. Душа замерла в трепетном ожидании появления нового света, который сможет засиять так же ярко, как и сияние, погасшее под холодными струями проливного дождя. И тогда у него будет два солнца — на этом и прошлом свете. Ведь все — ради жара солнца! Все в этом мире — ради единого верного для всех смысла жизни, ради жара согревающего солнца любви и ради Мечты. Мечты найти свой свет и дом.

Мы платим болью за Мечту любить. Теперь Пёс понял, о чем мечтает. И Пёс верил в свою Мечту. Измученным стариком он стоял над костями Белой Лисицы и с ужасом осознал, что обратного пути этой жизни просто нет. Но куда идти, когда не знаешь, куда направиться? Пёс взглянул на вершину зеленой горы, с подножия которой лес уходил в бесконечность. Стремиться вверх во имя перемен. Там — он знал — там ждет его свет.

Если... если она только... любила его, то была бы рада, что он принял такое решение, что остался дышать воздухом этого несовершенного мира...

Надо идти, рваться вперед. Он сам виноват, что его путь стал длиннее в тысячу раз и уходит теперь в неизвестность. Сказал бы правду тогда, у двух яблонь, — и явь не обернулась бы сумрачным кошмаром. Она поняла бы, приглядела, если, конечно, по-настоящему любила. А теперь надо рваться вперед. И всегда быть честным с собой, ведь когда ты честен с собой — ты честен со всем миром. Только так можно найти и убаюкать на лоне своей души истинный свет, имя которому — любовь.

Бархатная радуга спустилась со все еще мрачных небес на поляну, что на самой макушке горы. Тула, где ветер играл с влажной пожухлой травой. Тула, где можно было отыскать ответы, но отыскать их самому, без помощи чудесной скрипки, попавшей в костлявые руки Скрипача без лица.

Сколько было уже боли. И сколько будет... Пёс остановился, вздохнул; и сделал шаг вперед, а за ним — безбоязненно — второй шаг...

СКАЗКА О ЛЬВЕ

Суровый ветер гнал вдаль стелющиеся по земле волны раскаленного песка. Солнце нещадно палило, жгло, жгло потрескавшуюся почву, убивая на ней все живое. Пустыня дышала жаром. Казалось, сама реальность плавится здесь и колыхается незримым маревом.

Тяжелым шагом ступал по этой пустыне Лев. Он устал, хотел пить, есть и спать. Но он был не простым животным, владыкой всех животных. И на его широких, гордых плечах лежал груз ответственности, который не позволил бы поднять никому другому. А потому он делал шаг за шагом. Песок осыпался под ногами, но Лев уже давно не чувствовал боли.

Он был добрым и понимающим. Искренним, очень отзывчивым, проникательным. И всегда неизменно грустным: чуть-чуть, самую капельку, но порой даже и незаметно — как скорбь прячется в тень, близя его голубых глаз. Но он всегда всем помогал, стараясь мирно и справедливо разрешить любые конфликты. Его нельзя было не любить, этого не понимали ни животные, ни люди. Его звали Царем, Царем Царей. Он был мудр, хотя иногда за одиночеством его называли безумцем.

Недавно он просил у Неба ответа на вопрос, мучивший его больше всего, но услышал лишь молчание. Тогда Царь животных заглянул в себя: честно до жестокости, непредвзято до гибели. И увидел, что звезда зажеглась у него в груди, указывая дорогу на выжженную гору. Лев устало брел по

горной тропе, таща на уставших плечах тяжесть своей жизни. Он знал, что в пустыне не может быть жизни. Что когда-нибудь эти палашные пески наберут силу и охлестнут все многочисленные оазисы, где ныне жили звери.

Шаг вперед. Свернуть с пути нельзя, ведь первый шаг был сделан много тысяч шагов назад. Лев шел в гору — такую же выжженную, как и все вокруг. С ее вершины солище сыпало на мир свои бесконечные жадные стрелы. Лев болезненно жмурился, морщился и продолжал восхождение.

Он поднимался на гору и застыл в оцепенении. Вокруг пустыня. Желтизна, сулящая безумие. Оазисы вдалеке, в многих тысячах тысяч шагов. Но он привык этот путь, сумел. Все ради этих оазисов, ради тех, кто почему-то пошел со своих простых путей. На вершине горы чернел одинокий оазис. Лев, утопающий в белом мареве дня. Ветер гнал спутанную грину, солнце давило на спину истерзанной тяжестью. Лев зажмурил свои голубые глаза, вдохнул опаленный воздух всей грудью.

Внезапно набухли грозные тучи, они наполнили всю пустоту небосклона, спешили, что-то становились над горой в единый поток клубящейся пыли. Сверкали молнии, и в бесконечность разнеслись грохочущие раскаты грома. Собирались грозы, которой давно не видывала земля. Тучи бурлили, шипели во круг, а потом подошли во все стороны света, накрыли собой голубые небеса. И пролился дождь.

Дождь Льва был подобен веселой жизни. Когда он сыпался на землю излившимся дождем,

уносила боль, помогала затянуться уродливым тучинам. Пески обратились в почву, почва набухла от прохладной воды, пробились ростки зелени, дятла жадно впитывали дождь и тянулись вверх, чтобы достать до этих благословенных туч, сыплющих на землю душу Льва. Его душа была в каждой капле.

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. По голубому, чистому небу плыли пухлые острова белых облаков; теплое, приветливое солнце играло в колышущихся ветвях леса, спускающегося с самой вершины горы и уходящего за горизонт. Текли реки, журчали ручьи, озера глядели на небо, отражая его великолепие. На поляне, что у самой макушки горы, ветер играл с сочной зеленью трав. И только нет больше в этом мире Льва. Лишь блаженно улыбается радуга.

Его душа была как влага; но судьба тех, чья душа приносит исцеление — она подобна ветру. Льва забыли. Забыли, каким он был: веселым, добрым, отзывчивым, грустным. Забыли, каким он был при жизни. И забыли, как он шел на гору: целеустремленно, один, не прося ничьей помощи. Не поняли, ради чего он шел. Его судьба была подобна ветру, который уносится вдаль невидимым шепотом времен. Но этот лес... такой зеленый, сочный, светлый... Льву там очень понравилось бы...

* * *

Пёс шел к горе, на вершине которой рождался ветер, срывающийся вниз, чтобы трепать лохматые космы леса. Пёс не спешил, не стремился оказат

ся там как можно быстрее, а внимательно смотрел по сторонам. Вглядывался в мир, окружающий его. Этот мир таил в себе множество чудес и загадок, которые Пёс пытался познать и разгадать.

Но с каждым днем становилось всё более горьким. Он вспоминал свои цветные сны, вспоминал, чего в них видел. Вспоминал полеты не наяву, но в снах. И очень-очень скучал по этим светлым снам, на смену которым пришла темнота, в которой буднично захлебываешься. Крылья, носившие его по миру фантазий, перебиты и бессильно висят по бокам. Кривой последних перелетных птиц спицами впиваются в сердце, напоминая о том, что было. Пёс лишь болезненно жмурился и шел дальше, пытаясь побыстрее отвлечься на что-нибудь другое. Он никогда не просыпался по ночам — боялся услышать шепот лесной темноты. Боялся, что этот шепот сонный и без того сломанные крылья его сломают...

Пёс путешествовал. Он узнал невероятную новость, почему исчезли саблезубые тигры, и откуда появились тигры белые. От старой Сороки он услышал о глубоком горе волков, — стая потеряла своего молодяка из-за глупости наставника, присматривавшего за полчатами. Пёс познакомился с двумя дружными Оленями, которые когда-то поссорились и так возненавидели друг друга, что от них убегал их маленький Олененок. С тех пор они каждый день от рассвета и до заката ищут его — дружно, вдвоем, не жалея себя. Пёс встретил Бобра, живущих на плотине. И какими-то странными ему показались их отношения, хотя он и не понял, почему...

Бедня надумала Пса, как избежать попадания в ловушку лесных фей. Нужно еще издалека замечать круг грибов, подло спрятавшихся в траве, обойти его как можно дальше. Иначе феи увлекут тебя, закружат в вихре танца, лишат рассудка, затем через тростинку в ухо выпьют из души все, что только можно. И бродят потом танцующие бабумцы по лесу, не вполне понимая, что их уже не пили и выпустили из зачарованного круга.

Пёс узнал, что и камни умеют разговаривать, но совсем не способны чувствовать. У камней своя жизнь, а у тех, кто из плоти, — своя. Именно в этом огоньки жизни зверей сгорают и расползутся куда быстрее, нежели камни перетираются в песок.

Молодой Дятел посетовал Псу, что очень боится голова, когда стучишь о кору дерева, где прячутся лакомые насекомые. Дятлы постарше говорили, что это со временем проходит, но от их слов легкое не становилось. Молодому Дятлу иногда так хотелось бросить это занятие, но ничегу другого делать не умел. А потому день за днем мирился с головной болью и стучал по коре дерева, выковыливая из нее сочных личинок.

Псу охота тоже не давалась легко. Она неровно уставал от бега и начинал задыхаться; кашлял, и долго не в силах поймать сбившееся дыхание. Когда бил из водоемов, где вода стоит спокойно и не приотражает все вокруг, он закрывал глаза. Чтобы не видеть.

Однажды на болоте Пес видел мерцающие блуждающих огоньков. Они дразнили его, звали за собой, манили глубже в топь; отпрыгивали, но казалось, что до них уже можно дотянуться и по-

днуть трепещущие язычки зеленоватого пламени. А потом либо полной грудью вдыхаешь вязкую погребель болота, либо замечаешь, что сбился с пути и изумительно ищешь кочки, по которым ухитрился забрести так далеко. И до самого последнего момента непонятно, а зачем вообще стремиться прикоснуться к этим ускользающим иллюзиям?

Пчала по секрету прожужжала Псу, как отличить добрые цветы от злых. Цветы зла всегда во много раз красивее всех прочих цветов на поляне. Намекнула, что они самые лучшие, почти безупречные, и останутся такими всегда. Но стоит подойти к ним поближе — и отравишься их невидимым ядом, умерешь в болезненной агонии. И лишь когда в кромешной темноте, поймешь — они были фальшиво, какими народными на настоящие цветы, дарующие чудесные ароматы, отраду глазам и сладостный покой.

Парящие птицы рассказали Псу про жаркие страны, как накатывают на берег соленые моря, как пылится воздух пыжжелтых пустынь; поведали о непроходимых вечновечеленых лесах и просторах странных гор. Птицы прошептали Псу о странностях животных, совсем не похожих на прочих — об оленях, которые лезут большой стаей и поклоняются хрустальному наметному идолу. Они верят, что этот идол — творец всего мироздания, причина всех событий, их покровитель и палач. Обезьяны совершают сложные сложные ритуалы, преводнясят друг другу бесценные дары и кровавые жертвоприношения — и все ради того, чтобы благослание их не было ни небо, без их участия; свизошло по воле их великой воли.

Пёс прослышал о Звере. Об огромном чуде и о счастье. Седой Пёс горько усмехнулся и заплакал с всеоскрывающими лапами и небесно голубымался, наверное, о чем-то своем. В поздний час ми глазами, светящимися в темноте меж деревьев шерсть вдруг показалась еще сее, чем обычно. Животные остерегали Пса от встреч со Зверем, равно. Пёс сказал Медведице, что в разрушенном доме сказывали, как он ужасен в порыве неукротимого счастья искать бесполезно. Что в разрушенных дого, бесконтрольного гнева. Шелтали, что страшное счастье не обитает, если ты один в этом доме. него в лесу нет никого. Но Псу мало верилось, что повелел, где живет добрый хромой Медведь, ко- может быть на свете кто-то страшнее Скрипача... ный так любит грустный дождь. Пёс чеканил сло-

Он часто вспоминал Белую Лисицу, и глухая уверенно, жестко, не шадя. Сказал истину, ка- боль вспоминая тихо падала на дно поникшей она ему виделась. Медведица долго смотрела в рассудка. ...и серые глаза, а потом повернулась и пошла в

Однажды в ускользящих бликах заката... но лишь затем, чтобы побыстрее встретить солнца судьба свела Пса с Медведицей, которая рассвет. Пёс улыбался ей вслед, а потом дви- жила в непролазном буреломе. Была поздняя-поздняя в темноту, продолжив свой собственный путь. няя осень. Пса очень удивило, что поблизости не других медведей, а берлога выглядела старой и ла- нушенной, совсем вежливой. Пёс разговорился Медведицей и спросил, почему она совсем одна. Она поведала ему свою историю. Давно-давно — когда она была еще совсем маленьким медвежонком — она жила в этой берлоге с родителями. Однажды она заболела и стала плохо слышать. О ней заботились. Она до сих пор помнила добрые глаза матери и теп- лые лапы отца... но в одну ночь... в ту странную ночь — они растворились в темноте; просто ушли из берлоги, чтобы никогда не вернуться. Она помни- ла какую-то музыку, которую не слышала отчетли- во из-за больных ушей. И только одно засело в па- мяти: она все страшилась себя, куда мама с папо- ушли ночью? А в ответ слышала словно шепот, что они больше никогда не вернутся, но она со време- нем найдет свое счастье. Вот с тех пор Медведица живет здесь, боюсь уйти далеко от места, где най-

СКАЗКА О ДВУХ ЛЕБЕДЯХ

Шуршал осенний листопад. Жухлые листья кружились в потоках холодного северного ветра, который гнал их по земле: прочь от порошивших крошечек крошечек. Природа умирала, прикрыв позолотой величавое золото и рубины. Птицы улетали на Юг, чтобы вернуться весной, когда жизнь снова возродится. Он торжествует над белокурой зимой и вырвет землю из ее острых когтей. Этот цикл повторяется и повторяется столетиями.

Собирались улетать и лебеди. Они шумно переговаривались, толкались, делились на пары и, наконец, вспорхнули с коченеющей поверхности озера, устремившись в долгий путь к спасению от лютых морозов. Они хотели тепла, они тянулись к нему своими длинными шеями, они летели за жаром солнца.

Один Лебедь отстал. Что-то привлекло его внимание далеко внизу, у самой кромки очередного озера, над которым пролетала его стая. Лебеди звали его вернуться, не отделяться от летящего клана, но Белый Лебедь не послушал их; он знал, что-то ждет его там, внизу; что-то, ради чего стоит рискнуть.

У кромки воды стояла Белая Лебедица. Почему-то она не отправилась на Юг со всеми: не захотела или ее смутила, или ее забыли, или, что ужаснее всего, не взяли, бросили. Она вся озябла, серебряный иней покрыл ее крылья. Белый Лебедь

наклонился поближе. Она была обворожительна! Белее всех Лебедей, которых он встречал; ее клюв был даже изящнее, чем клюв подружки вожака его стаи! А ее шея: длинная, грациозная, розовая! Так ли это было на самом деле? Или ему показалось, причудлившись в отблесках закатного солнца? Не важно. Для него это стало правдой — остальное не имело значения.

Он подошел ближе, но Лебедица не реагировала на его присутствие, словно не замечала. Она быстро повернула клюв к воде и вдыхала мороз, проносящийся через ноздри куда-то внутрь, к сердцу. Ей было так холодно. Белый Лебедь пошел к ней, робко, неловко, словно опасаясь, что прикоснется к некоему и нарушит какое-то важное-важное дело, которым была занята Лебедица. Она встрепенулась и распахнула закрытые до того глаза. Неожиданные серые глаза. Белый Лебедь подходил все ближе и ближе. Оказалось, ее забыли, или специально бросили, чтобы в пути было меньше забот. Но она не горевала, ей нравился запах льда, выходящего на мир, чтобы сковать его.

И тогда они... она поняла, что будет с ним всегда, потому что он ее не бросит; он сошел, что всегда останется с ней, потому что никогда не сможет бросить... они сплели свои шеи, прильнули друг к другу растрепанными грудками, внутри которых бились маленькие лебединые сердца, и он обреченно сказал «люблю». Иней растаял на ее крыльях, она стала горячей исцеляющей росой, клюв перестал стучать. Теперь они не смогли бы существовать друг без друга, как бы это по-сказочному глупо не звучало. Но это была правда. А правда — есть правда, даже если один в один похожа на сказку.

Он позвал ее полететь на Юг. Белая Лебедица немного испугалась, ведь отправиться в дальнюю края вдвоем — так опасно, рискованно. Кто знает, что случится по дороге? Какие опасности таятся на пути? Но он успокоил ее своим дыханием, сказав, что поведет, что знает дорогу на Юг. Он и вправду ее знал. Лебедица просила дождаться утра, не лететь в сумерки, уже почти окутавшие мир, но Белый Лебедь отчего-то знал: нельзя. Нельзя задерживаться на этой покинутой всеми земле, иначе — конец. Надо лететь, во что бы то ни стало. Сегодня. Сейчас. В ночь.

Они оторвались от земли. Холодный ветер трепал верья, наполнял крылья обжигающими потоками, но им не было холодно вдвоем. Они летели на Юг, осознание этого грело их; она была готова оставаться с ним вечно, осознание этого грело Белого Лебедя; он не бросит ее никогда, осознание этого грело Белую Лебедицу. Летели, как они летели! И как жаль, что никто не мог оценить тот полет...

Она не видела пути, не видела темной земли далеко внизу. А он был способен узреть опасность мира вокруг, жесткого и беспринципного мира. Он молчал, не пугал ее напрасну. Тогда он пообещал себе, что защитит ее от всего; будет защищать молча и безропотно. Выключает глаза любому, кто заставит ее невидящие очи обронить слезу. Они летели. Как они летели! И как жаль, что никто не мог оценить тот непродолжительный полет...

Всполох света! Гром! И время словно остано-
лось, а в нем: продолжающийся полет двоих, блес-
нящего свинца, алые брызги крови, летят бед-
ные перья, немой крик отчаянья, вздох боли, непро-

...на земле... надевание... она упала в темноту, где
...он не смог отыскать ее следа; в мрачную все-
...темноту.

Белый Лебедь взвился в облака! Он ненавидел весь мир! Ненавидел тех, кто бросил ее в тот день на произвол судьбы! Ненавидел всех чудовищ, сплотившихся на зло против его чувств. Ненавидел весь этот мир, который отнял у него Белую Лебедицу! Он взвился выше облаков! Он не мог дышать, и в этот момент Белый Лебедь перестал махать крыльями. Неожиданно ночь рассекла их чем-то острым, и все силы покинули его тело через те порезы. Он упал со скоростью, накаленной высотой...

Мир озабочился на него в ответ: выщипывал перья из его немашущих крыльев, пытался скрутить шею и переломить ее, завертеть в вихре и бросить в море, перемолов все кости. Мир ненавидел его так же, как он ненавидел мир. И Белый Лебедь упал в черную воду ледяного пруда; с плеском обрушился.

Он не умер, хотя, в безумстве несясь в высоту, потерял лишь об этом. Суровые воды подхватили его и унесли к берегу, где ручей как-то сам втек в его рану и помог исцелить раны. Белый Лебедь не хотел исцеления, но уже не было сил сопротивляться воле этого мира, который, несмотря на ненависть Лебеда, решил не уносить еще одну жизнь. Прав ли тогда был мир? Или это еще одна его жестокая заплата? Кто знает. Рассудят лишь седое Время.

Неведомо, долго ли Лебедь пролежал на берегу. Малой злостью нюхал его беззащитное тело, но по-

пал или по какой-то иной причине не стал ухаживать себе кровавый пир. Но в один хмурый день в начале зимы Лебедь очнулся. Он с трудом встал, даже не заметив, что крылья его больше не расправляются, и пошел к воде, чтобы взглянуть на свое отражение. Он совершенно почернел, словно обжигаясь в пепелище пожара. Крылья, шея, грудка — каждое перышко — почернели, истлели, окрасились в вечный траур. И только лапы и клюв его остались красными, даже побагровели сильнее прежнего.

А еще он не мог летать, крылья сломались. Как ни пытался он их разработать, как ни махал ими, тщетных попытках взлететь — все без толку. Недалеко для него стало недостижимым, умерло вместе с Белой Лебедцей.

Но что это? Там, в колючих кустах у берега пруда; белется. Он подошел поближе и пригляделся. Это было перышко. Белое перышко Белой Лебедцы: пышное, чистое, скованное инеем. Лебедь взял его и бережно вложил в свои перья на голову, очень-очень бережно, боясь повредить.

И плавает с тех пор по тому пруду нелетающий Черный Лебедь с белым пером на голове. Он люто ненавидит весь мир, но почему-то продолжает долбять бесконечные круги по черной глади спасительного пруда, обернувшегося западней. Верит ли он, что-то Черный Лебедь? Надеется ли на что-то? Трудно сказать. Рассудит лишь седое Время. Возможно, когда-нибудь он найдет себе черную лебедицу или кого-то еще. Или умрет в расцвете сил, устав держаться наплаву этого черного пруда. Рассудит лишь седое Время.

* * *

Медленно плавались осколки застывшего лета. Лебедь встретил много животных на своем пути — всех, не упоминать. С одними было интересно, с другими — нет, кто-то чем-то помог ему, а кто-то только обидел или делал больно. Но не повстречал Пёс никого, кого назвал бы «другом». И не нашел той, с которой обрел бы свой дом.

Чем сильнее воздух пропитывался зимним ознобом, тем чаще сжимала грудь эта неотъемная часть — она казалась такой реальной, такой живой...

Однажды Пёс набрел на угрюмый пруд, окруженный шепотливым камышом и непролазной осокой. От малой ряби, бегущей по темной поверхности воды, веяло могильным холодом, который проникал до самых костей; плавали пожухлые листья, разрываемые ветром с полусонной ивы. И по этому пруду круглячком странствовал одинокий и гордый Черный Лебедь с белым пером на голове.

Пёс решил испить воды и подошел к каменистому берегу. Сизое предвечернее небо треснуло, разорвалось и вниз посыпался гремющий бисер дождя. Незаметно, весь мир вымок в один миг. Черный Лебедь подплыл к Псу и спросил, что тот видит в этих кристальных каплях. Намокший Пёс долго думал, потом ответил, что в этом дожде — слезы: его слезы, слезы мира, ее слезы, слезы всех, кто плачет... Черный Лебедь довольно кладнул клювом и вытянул воду вверх, чтобы было удобнее ловить эти капли. Он тоже считал, что дождь не может быть ничем иным, кроме как слезами.

Черный Лебедь пригласил Пса переждать ливень вместе. В небольшой пещерке у берега было сыро и тесно, пахло мхом. На Пса валялись воспоминания, ему казалось, что скоро зашепчет голос сомнения, способные вытянуть все силы, сокрушить все чаянья... Спать не хотелось; нужно было чем-то заняться. Пёс спросил Черного Лебедя, почему тот не улетит в жаркие края, ведь перелетные птицы уже отправились в дорогу. Черный Лебедь беззвучно поморщился и показал сломавшиеся крылья. Завязался разговор, словом — они поведали друг другу свои истории.

И обоим стало как-то легче. Совсем немного, но все же легче, будто из пустыни одиночества вычерпали пару пригоршней песка. Рядом был кто-то, кто мог выслушать и разделить боль. Им не нужны были сожаления — жалость лишняя и делает душу слабой, но... этот разговор принес нечто иное, отличающееся от обыкновенной жалости. Какое-то глубокое понимание чужой потери. Они были не одни в своем одиночестве. Кто-то еще мог разделить его, присесть рядом и на миг потеснить боль: парой точных слов, парой понимающих взглядов, умелым молчанием.

Удар молнии озарил землю, свирепый ветер гнул несчастную иву, а проливной дождь хлестал под рокот грома. Природа гневалась, стевала и плакала навзрыд. Пёс и Черный Лебедь сидели в холодной пещере и мучались на невидимых кострах, которые сами же для себя и разожгли. В своих историях они выявили других: таинственного Скрипача, безжалостный свинец, глупый мир... Но в глубине души понимали, что во всем виноваты сами.

Дорога и будущее тянется из прошлого. Это должно было случиться, и Пёс с Черным Лебедем говорили о том, чего еще не произошло, о том, что скрыто за серебристой паутиной из нитей судеб и тайн... Пёс рассказал о своей Мечте, о смысле жизни, который нашел, о своей измученной верности, ищущей любви и счастье, за которые стоило бы держаться... Черный Лебедь повиновался словам Пса, но не принимал их. Ему казалось, что Пёс предаст Белую Лисицу, забывает о ней, оставляет ее в холодном прошлом; одну и всею забытую. Она не понимала, что мертвым не согреться, кто бы ни согревал. Черный Лебедь не мечтал о будущем, влачил свое угрюмое, злое существование и жаждал лишь смерти... но не способен был позвать ее сам. Он иногда фантазировал о том, чего никогда не было; о том, что бы такого ужасного могло произойти, чтобы оборвать его жизненный путь до того, как судьба сломила ему крылья и обрушила в этот черный провал...

Пёс и Черный Лебедь сидели в темной пещере. Неизученная птица смотрела, как по черной глади пруда барабанит дождь. А Пёс глядел в заплаканное грозовое небо — он ждал, когда оно вновь прояснится...

Пёс даже не представлял, что из глубины пруда на Черного Лебедя смотрела его ненаглядная Белая Лебедица. Ее облик был замурован где-то глубоко в холодной толще воды и он будто светился изнутри — таким теплым, мягким сиянием, которое было отогнать одиночество и согреть. Это отражение не меркло ни днем, ни ночью: оно не растрескивалось, когда по поверхности воды сыпал бесотрадный дождь, оно глядело из-под льда, даже когда

да прул сковывало дыханьем зимы. Отраженце за-
ло нырнуть, окутаться в холодную черноту... что
бы никогда не всплыть... остаться там навечно
вдвоем...

А еще по вочам Черный Лебедь слышал голоса
из прошлого. И самое страшное — он был способен
приказывать им, что говорить, что шептать, о чем
плакать...

Гроза унялась с лучами дымного рассвета. При-
тих и тяжело посмотрел на Черного Лебеда сво-
ими серыми глазами. Он долго прислушивался
своей боли, сжимавшей что-то в груди; затем вы-
шел из темной пещеры, и солнце ярко высветило
содву на его боках. Пёс повернулся и сказал:

•До свидания, друг...•

Черный Лебедь задумался. Вспоминал историю
Серого Волка и доброго Медведя, вспоминал свою
жизнь, улыбнулся и тихо прошептал вслед уходя-
щему Псу:

•Удача тебе, друг...•

Пёс шагнул в наступающую зиму...

...а Черный Лебедь остался медленно кружиться
по своему пруду и даже не ежился от могильного
холода, которым баяло из-под воды...

СКАЗКА О ЗВЕРЕ

Вечерело стремительно. Только что казалось,
что дневной свет не иссякнет никогда — и вот уже
густой сумрак наполняет на лес с востока. Закат-
ное солнце открывает врата, через которые в этот
мир могут прийти те, кому нет дороги в свет дня.
Колыхает. Мечется напуганный ветер, никак не на-
ходя себе места, и его шепот заражает беспокой-
ством колочие ветви облетевших деревьев. Иссы-
вающие тучи мглистыми обрывками несутся по
небу, стремясь поскорее покинуть эти края.

На изломе леса вышел Олененок. Он убежал от
родных, чтобы показать, как больно они ему дела-
ли. Но теперь потерялся и не знал, куда направить-
ся. Его учили, что нельзя выходить из леса и долго
стоять на одном месте. Но было так страшно в этот
сумрачный час, так хотелось спрятаться под боком
у матери и забыть о всех тревогах. Зря он убежал...
Жить, нет! Не зря! Может, его родители наконец
найдут, ради чего всё, и помирился. И тогда обяза-
тельно отыщут его, и заживут они вместе. Как рая-
ние. Так будет хорошо! Олененок вглядывался в тем-
ноту, надеясь услышать оттуда тихий и вежливый
голос матери, зовущий домой.

Олененок даже не чувствовал, что за ним сле-
дят. Глядели, прищурив один глаз и стараясь сде-
лать так, чтобы два штырька на разных концах
стальной палки совместились в одну точку. Гром,
раздающийся не на небесах, ярким всполохом выр-
вался из-за ширмы кустов.

Так молодая невинность натолкнулась на жестокую реальность и захлебнулась во влаге прибитого свинцом легкого. Двуногий зверь распрямился в полный рост, разломил огнестрельную палку пополам, вложил что-то внутрь и снова двинул сталью. Он пошел к Олешенку, оставляя на земле странные следы блестящих ног. В черном пламени, затягивающемся мертвенной тлеющей, отразился высокий силуэт, вставший над дергающимся полом; и вемой упрек: «Зачем же так? Мы же братья ты и я. Зачем? Я только хотел домой...» Но двуногий зверь не слышал ничего из этого, или не хотел услышать... или ему было плевать на всех, кроме самого себя...

Уже совсем стемнело, в небе висела полная луна, как светящийся глаз. Нездалеку прогремел еще один раскат земного грома, вырвался всполох огня. Вскоре из высокого кустарника показался еще один двуногий. Он кинул мертвую птицу к ногам товарища. Сразить летуна в крошечной тьме — это большое везение, удачная случайность. Вот только обидно, что не утка оказалась, а лебедь; слышай, к тому же. Разве слепые птицы умеют летать? Куда они прилетят, если не видят дороги? Наверное, даже к лучшему, что подстрелили... Белоснежное тельце лебедя кочекело, серебристый шей молниеносно покрывал подвижные крылья. И только ведающие серые очи глядели в темное небо, где остался кто-то еще; они просили: «Живи без меня, но живи, живи, живи дальше... ради себя и во имя меня...»

Двуногие звери непринужденно болтали, тихо посмеивались и обсуждали прошедший день, а

который так хорошо удалось повеселиться. Через какое-то время их собралось уже четверо. Они вывели огонь, усадили его на обрубки дерева и по очереди довольны потрапезничать. Клубящийся дым стремился в высоту, как будто вознося столп славы, под которым двуногие отмечали победу над лесом.

Такое рычание насторожило их. В наступившей тишине потрескивал костер. Двуногие боязливо заглянули по сторонам, пытались сообразить, чье же присутствие в темноте так обеспокоило их. Почему же затихли насекомые, не казала лягушки; не была тишина, только ветер играет с шипящими искрами костра. Страх стал заползать под теплые шкуры и через поры в коже медленно всасываться в кровь. Двуногие встали, схватились за свои огнестрельные палки, как если бы они могли защитить их от неизвестного. С неба зловеще окрысилась полная луна.

Пронастоя в синеву развелись глаза, широко распахнувшись в темноте меж деревьев; эти страшно голубые глаза светились первобытной невинностью. Лазурь небес ведала правду об этих двуногих. Рычание: агрессивное, безапелляционное, жестокое. Хруст деревьев, раздвигаемых лапами невероятной силы и размера. Зверь слышал, как бьются их сердца. Видел, как поганая кровь течет по клубам лив. Чувствовал на языке солноватый привкус их страха. Зверь вдыхал копоть костра.

Громоподобная вспышка выхватила из темноты каждый зуб в широко раскрытой пасти. Зверь прыгнул вперед и накрыл одного двуножного ласой такой, что того просто раздавило, а второго со всей

силы толкнул вперед, чтобы тот пролетел до самого излома леса. Там он и встретил свой конец: грудью насадившись на острие дерева, от которого сам же и отрубал ветки для костра. Огонь устроил безумные пляски на коже Зверя, играл тенями на рельефных мускулах и старался представить острые уши рогами. Зверь медленно разворачивался, чтобы покарать оставшихся двуногих. Один из них кинулся бежать. Он еще долго слышал безумные крики за спиной.

Двуногий продирался сквозь лес. Спотыкался, падал, царапался об острые ветки, старавшиеся задержать беглеца. И всюду ему мерещились эти глаза: небесно-голубые, строгие, всезнающие. Ему было страшно, как никогда. Но он не понимал, что от взгляда луны не уйти, как не уйти от гнева небес. Лес с безразличием смотрел вслед двуногому, пытавшемуся убежать от своей незавидной участи.

Что-то темное и живое ломилось следом за ним. Зверь неотвратно приближался: с хрустом дерева, со злобным сопением; гремели тяжелые шаги. От него не скрыться, как нельзя остаться в живых, если перестать дышать и не давать сердцу биться.

Двуногого подхватило, словно тростинку, огромная лапа нестерпимо больно сжала беглеца, оторвала его от земли. Зверь тихо рычал, словно напоминал о смерти Олененка и лебедя, и о тысячах подобных смертей. Он убивал быстро, и крайне болезненно и ужасающе жестоко: сдавливал, вырывал конечности, дробил кости, царапал, вспарывая тело жертвы своими страшными когтями. Крики утихли почти мгновенно, но Зверь продолжал терзать двуногого, пока не убедился, что жизнь вытекла из него вся, до последней капли.

Но и тут Зверь не унял своего гнева. Где-то внутри было слышно биение сердец. Кто-то живет! Кто-то дышит! Но ведь сама жизнь — это страдания. Жизнь — значит делать больно себе и другим. Зачем тогда поступать? Зачем страдать? Зачем эти удары, означающие безмятежность тишины? Зачем эти вздохи, означающие безграничную власть ветров? Смять, разорвать, разорвать! Принести невиданные страдания ради того, чтобы не было больше боли и печали.

Зверь припал к земле и заглянул под корягу, где сидели испуганные зайцы. Это их сердца бьются! Это они дышат! Когтистая лапа напряглась, готовая нанести сокрушительный удар, но... маленькие зайчата выглянули из-за спин своих матерей. Они смотрели на Зверя, как Олененок глядел в темноту. И что-то изменилось, Зверь словно умер в этих карих преобразившихся небесно-голубых глазах...

А Луна довольно улыбалась с небес, обращая в серебро разлитую повсюду кровь двуногих зверей, не смеявших помыслить, что одержали победу над Ним.

Грешили бриллиантовые морозы; ослепительно свершал зимнезадумчивый лес, укутанный теплым снежным одеялом. Голые деревья покрылись жемчужным инеем и робко притихли. Меж стволов петляли зайчьи следы. Пугливые снегири прятались среди гроздьев краснотрудных ягод рябины. Внезапно подул невесомый ветерок, и с пригнутой еловой ветки осыпались пушистые свежие хлопья.

Пёс брел среди этого зимнего величественного пути, — и неспешно брел по извилистой цепочке, думая о дорогах, по которым нельзя вернуться ни вперед, ни назад. Зачем? Наверное, чтобы услышать чей-то зад. Он вспоминал ту незабываемую зиму: когда было так тихо, чтобы быть слышимым... он так устал, упругий снег поскрипывал под их лапами; когда бездумного птичьего щебетания. Было светло и хорошо; когда было так нежно, так... Стало как-то совсем не по-зимнему тепло, над загадочно тихо и так тепло. Кто сказал, что холода? Кто сказал, что холода? Это правда... снег может быть очень-очень теплым, если этот снег — ее шкура...

Пёс вышел к замерзшей реке. Неподвижное зеркало, суетное журчание которой метель свежее русло походило на широкую дорогу, прелесть которого ожидаешь услышать в зимнем лесу. Пёс ложившуюся сквозь безбрежный лес. Пёс даже не подозревал о подземном источнике, пробивающемся смотреть в сторону далекого пустого горизонта, из самых недр — оттуда, где вечное сразу двинулся к махине равнодушной горы, у подножия которой никогда не бывает морозов. Временами ножи которой река брала свой источник. Временами вырывались мощные струи кипящей воды.

По девственному снежному ковру стелилась охотничья пойма. Пёс шел по белой скатерти дорожки, ловил отблески солнца на искрящихся холмах, И делаясь как-то светлее, уютнее; он шел, порождая шумный дымный хвост. Вот точно женный красотой зимнего леса. Дорога убегала под ногами... и вела вперед. Вела в какой-то другой мир, в котором будет совсем иное «вчера» и наступит кажущееся невозможным «завтра»; туда, где нет душе места печалю; нет грусти, одиночества, боли... Только красота зимнего леса, окружавшая Пса, понимала ради чего всё, что творилось и что творится на этой земле; и готова была поддержать в трудную минуту.

И тут рыжим хвостом замелькала лисица. В пушистый хвост ярко вспыхивал среди деревьев дровил и огненным стягом звал за собой. Пёс и не зная почему, но зачем-то свернул с верной дороги и второпливо последовал за убегающим зверем. Он не бежал. — знал, что впереди у него длинная

Лисица сидела у теплой воды и разглядывала рыжую. Она была жгуче-рыжей, с черными сапожками на лапках и с белыми кисточками на ушах. Пёс помысл, — он подошел к Белой Лисице, когда та кидала камушки в воду... Вместе с камушками вырвался удушливый стон. Пёс подошел к ней рядом с Лисицей.

Они разговорились. Рыжая Лисица попросила помочь ей назвать все деревья, росшие у чудесного теплого источника. Они без труда узнали чувственную оболочку и отважный воя, безразличный и милосердную сосну, умножительный клен и концентричный каштан. Пёс дивился, сколько Рыжая Лисица знала о деревьях, о их древних знаниях и загадочных характерах; а она все продолжала рассказывать: о всезнающем ясене и могучем дубе, о душевно-доброй березе и вечно-молодой черемухе, о верной ольхе и полной надежд

лиственнице... Неугомонный голос Рыжей Лисички звенел так весело и ласково, что даже проворные ручьи не могли не подпевать ее словам.

Одного дерева они так и не узнали — такое высокого, с узкой продолговатой кроной. Рыжая Лисичка сказала, что обязательно расспросит кого-нибудь об этом дереве и потом расскажет Пёс. А потом вдруг спросила, знает ли Пёс о вечном лете, весне, зиме и о вечной осени. Пёс насторожился, вспомнил Скрипача, вспомнил Белую Лисицу. Он проглотил подступивший к горлу ком и хрипло ответил, что не слышал этой истории. И Рыжая Лисичка начала рассказывать.

Она рассказала, что когда-то, давным-давно земля была пустой и безжизненной, только волны мертвой воды омывали мерзлые камни. Но однажды прилетели четыре Вечные Феи: Весна, Лето, Осень и Зима. Им очень не понравилось в этом пустынном мире, и они решили сделать его лучше. Фея Вечной Весны придумала плодородную почву, укрывшую безжизненные камни; Фея Вечной Лета сотворила реки, ручьи и озера, хрусталем искрпавшаяся на солнце; Фея Вечного Лета создала подлунные и подводные растения; а Фея Вечной Зимы подарила этому миру бескрайнее синее небо. Все пришло в равновесие, сезоны менялись: отцветала жаркое лето и опадало на землю листьями золотой осени; осень мерзла и покрывалась первой корочкой льда, по которой с хрустом вступала в свои владения зима; но недолго царствовала владычица льдов — вскоре ей приходилось потесниться по натиском весны, которая вновь разгоралась в лето.

Рыжая Лисичка не могла промолчать о том, что Вечные Феи отнюдь не были дружны. Лето недо-

любило Осень, а Зима терпеть не могла Весну. Они постоянно ссорились, подстраивали друг друга, косячили неприятности и чинили мелкие пакости. Но однажды Вечные Феи заметили, что мир стал постепенно унывать, чахнуть. Природа неотвратимо тускнела, и чистое сияние жизни блекло; с каждым годом становилось все холоднее и холоднее. Тогда Фея Вечного Лета поняла, что даже земля не может жить без тепла, что не может природа вечно терпеть холода и уныние. И Фея нашла самую глубокую пещеру, по которой спустилась в непроглядный мир земных недр — к самому центру мира, где и осталась жить, чтобы своим неиссякаемым теплом согревать землю, которую так полюбила. Все в мире замерзло на свои места, да вот только Фея Вечной Весны загрустила — ей стало совсем тоскливо без вечной соперницы. И так докучала ей эта бледная зима, что однажды Фея медленно растаяла и растворилась в воздухе — чтобы быть сразу повсюду и при этом нигде.

Рыжая Лисичка прошептала, что однажды с неба упала Искра Звездочка. Она взорвалась миллионами сверкающих осколков, в которых Феи Вечной Весны и Зимы увидели свои отражения... и Феи так понравились живой блеск этих осколков, что они решили поселиться в них навсегда. И с тех пор продолжается Вечный спор между коварствующей Весной и неприступной Зимой, которые живут в осколках, упавших с неба. А сезоны меняются, как и ранее: отцветает медовое лето и опадают на землю листьями шепчущей осени; осень мерзнет и покрывается твердой корочкой льда, по которой с хрустом вступает в свои владения зима.

няя зима; но недолго царствовать владычице морозов — вскоре ей придется потесниться под напором весны, которая вновь разгорится в лето, а лето... — он задумался ее пониманием и... и тонул в бездонной

...Пёс посмотрел на ее хитренькую мордочку и на ее желтые глаза... Он брел по ночному зимнему лесу. Пёс вспоминал ту незабываемую зиму. Упругий снег показалось, что эти глаза не могут принадлежать мордочке, которая была такой веселой, подвижной, милой. Он чувствовал, как будто кто-то шептал под лапами. Было светло и хорошо. В них тяжесть перенесенной боли сплеталась с плетущей тоской и... какое-то безразличие льда и луны созданы друг для друга! Луна светит с таким осколком звесло в прачках. Псу вдруг стало так тепло, так загадочно-тихо, а снег под ногами захотелось разгадать эти глаза и, быть может, что-то сказать это слышит, умывает его, преображает. Чем-то помочь Рыжей Лисичке...

...Лето сумело пробить себе узенький ход, чтобы подняться в подзвездный мир и там еще раз встретиться с Зимой. Конечно же, это глушое протоптало на лапах елей, сыпался с неба мягкими снежинками. Та зима... А ведь эта зима не хуже! И Рыжая Лисичка, заточенное в подземной темнице, было несомненно. Бредет Рыжая Лисичка... Никогда она срывалась с места и убегала в ночь. Лишь мелькает пушистый хвост. Пёс в тивоборстве нашли отраду множество зверей и птиц. Они ютились неподалеку и радовались возможности вдоволь погреться в суровую стужу. Гейзеры шипели и растекались по округе горячими ручьями.

Рыжая Лисичка рассказала Псу о том, как протоптали эти два Вечных Фей на раз ставили мир на грань: о Великой Засухе, выжигавшей души, о Вечных Льдах, сковывающих волю... Пёс начал рассказывать свои истории, которые услышал за долгий путь: от рождения — и к тому, что в центре леса. Они с Рыжей Лисичкой долго обдумывали странных обезьян, троящих свои жизни и души на выкормочное поклование бездушному камню. Рыжая Лисичка гордо выгнула спину и наотрез

отказалась идти — пусть боль сама проходит! Она сказала, что не чувствует боли, что не придает ей значения. Но Пёс настоял.

По дороге к бобрам они говорили обо всем на свете: о дружбе и любви, о ненависти и предательстве, об одиночестве и стадности, о днях и ночах, о лете и зиме. Пёс вкрадчиво ловил взгляды Рыжей Лисички и так хотел... прижаться к ее теплой, пушистой шубке. И при этих мыслях его колола память о Белой Лисице. Казалось, откуда-то изнутри лился свет, затягивающий зияющую рану в душе. Но Пёс не решался показывать свои чувства, так как сам не вполне верил в них. Но чувствовал, что рядом с Рыжей Лисичкой ему светло и спокойно — вне зависимости от того, грустили они или радуются.

На плотине жили Бобер с Бобрихой. Их бобры давно уже покинули родной дом и лишь иногда навещали родителей. Бобер все время возился с плотиной, а Бобриха знала толк в лечебных травах и помогала всем, кто нуждался. Они радушно принимали Пса и Рыжую Лисичку. Бобриха сказала, что лечение будет длиться пару дней. Она старательно готовила Рыжей Лисичке травяные каши и прикладывала к больной лапке листья лечебных растений.

Ледяная вода бежала в заснеженном русле реки, но внутри бобровьего жилища было тепло и уютно.

Однажды Пёс лег рядом с Рыжей Лисичкой и прислонился к ней мордой. Казалось, она не придавала этому никакого значения: не отодвинулась, не прильнула поближе; вообще никак не среагировала на его прикосновение. Но Пёс был благодарен ей. Хотя бы за то, что она не отодвинулась...

Пёс много наблюдал за хозяевами плотины. Бобер был крупным, молчаливым. Каждый день он делал то, что, как считал, обязан делать: без устали чинил плотину, в одно и то же время приносил еду, иногда дожидаясь днем подремать. Все свои занятия он сопровождал забавными прибаутками и комплиментами Бобрихе, но всегда какими-то одинаковыми, похожими. Пёс внимательно глядел на Бобриху, которая встречала каждое утро со словами «Вот и новый день!», а засыпала с чуть слышимым шепотом:

«Постарайся проснуться вновь счастливой...»

СКАЗКА ОБ ИДЕАЛЕ

Снова тело смеется молодостью и светится прелестью идеальной красотой. Молодость! Да и тело какое-то новое, не то привычное, а другое — более совершенное, более жизнеспособное, более гибкое... совсем другое тело.

Она шла по зеленой согретой солнцем траве. Колючие травинки забирались между пальчиков и щекотали покрасневшую кожу. Неохватно поле, полное цветов; там, впереди — овражек с ручейком, зеленая березовая рощица, уютная таежная стройная; она примостилась под боком угрюмого надежного ельника, по-отчески обнявшего стайку черно-белых деревцев своими косматыми лапами.

Она подошла к краю оврага. Дул теплый и вместе с тем свежий ветерок. Он нес запах мечты. Она ловила носом его тонкие пронизывающие потоки, подставляя лицо под свет горячего желтого солнца. Волнами резвились Ее распущенные волосы. Он был где-то рядом, но Она не видела Его. Только чувствовала: как-то необъяснимо, словно могучее присутствие исходило из-под самой земной тверди, и под этого плодородного пласта. Он не показывался. Это так обидно, так унижительно! И вместе с тем заставляло алкать встречи; и билось сердечко сильнее от одной мысли, что вскоре Они воссоединятся. Желтые глупые одуванчики покачивались на краю овражка. Где-то без умолку поют птицы, стрекочут насекомые.

Она вдруг обернулась. Невесомое платьице качнулось на ветру. Он стоял у Нее за спиной. Выше ее на голову, красивый, ясноокий, и тоже босиком. Она улыбнулась, ринулась навстречу, но Он не заметил. Его погладил небольшую бородку, озадаченно глянул куда-то в сторону и уверенным шагом двинулся прочь. Он удалялся с какой-то неестественной скоростью, миг — и Он едва виднеется на дальнем краю поля. Там Он нагнулся к земле и уверенным врачующим движением сломал кустику колючую ветку, зажав сокоточающий порез чем-то мягким. А потом пошел к Ней, целенаправленно, уверенно, ничто не смогло бы остановить Его.

Они встретились. И встали друг напротив друга. Снова были не нужны — ими можно обмануть, ими можно обмануться, ими можно сказать глупости, и в них глупость можно услышать. Не нужны были и объятья — ветер восторженно зашумел, и начал носиться взад-вперед, лаская Их, проникая сквозь кожу, через жилы Их тел — и прямо в душу. Ветер помогает Им, носясь взад и вперед. Ветер ласкает Их, Они ласкали ветер, и через ветер ласкали друг друга.

Он протянул Ее руку. Она никогда не знала, что именно Он хочет предпринять в такой миг, Он был для нее загадкой, непочитанной книгой. Оттого она была немножко не по себе, немножко боязно, но всегда неизменно интересно. Она медленно потянулась вперед, Его рука бережно сжала Ее руку.

Зеленая трава, одуванчики, ветер — бегом, бегом, бегом вниза по оврагу, к ручейку, прыжок через ледяную искрящуюся воду. Его рука надежно держит Ее руку. Березы все ближе и ближе — дружные востры, расчесывающие свои космы все лето

напролет и так быстро седеющие осенью. Прыжок! Кончик ноги коснулся верхушки дерева; прыжок! прыжок, ели качаются, волнуются, ворчат, что разрушен их покой. Зеленый колючий ковер плывет под босыми ногами, прыжок, прыжок, снова прыжок! Взгляд назад — сколько поля и леса осталось за спиной, и как просто было преодолеть все это расстояние с *Ним*.

Прыжок и... Вода! Чистая, сверкающая гладь озера, отражающего в себе весь мир. В его глубинах колышутся водоросли, рыщут щуки, окуни, прячется плотва. Но, главное, озеро отражало небо. Бегом, бегом, бегом! Слепящие брызги играют в сиянии дневной звезды, все ноги мокрые. Весело, светло, легко. Так легко! И полет, *Он* оторвал *Ее* от зеркала воды и понес в небо, где дано парить лишь птицам.

Чистое, синее небо! Аж дух захватывает, когда глянешь оттуда вниз, на отягощенную своей материальностью землю. Воздух сам рвется в грудь мощными толчками. Кажется, попадешь после полета на землю — и задохнешься, не сможешь там дышать, тяжело там. И у *Нее* выросли крылья! *Он* вырастил их для *Нее*. Невесомые, дрожащие, прозрачные, но такие надежные, такие крепкие. *Он* держал *Ее* за руку и направлял *Их* полет. Так чудесно! Так желанно! *Она* скользила пальцами в мутных белых облаках, жмурилась от стрельнувшей в глаза солнечного лучика. И дышала этим небом.

В синеве хлопали две пары белых крыльев.

Она взглянула в *Его* лицо. Оно было совершенным, именно таким, какое *Ей* было нужно. До последней черты, до последнего изгиба, оно было для *Нее* вплоть до каждого родимого пятнышка. *Он* улыбался.

Небо. Небо. Небо. Везде вокруг — небо. Оно уходит в бесконечность, преодолевает ее и возвращается у тебя из-за спины, чтобы вновь унести твои мысли в неизведанное далёко; пленить, подчинить душой, сердцем, но лишь в последнюю очередь, телом, — не отпустить, соблазнить.

Она попыталась полететь назад. Но *Он* желал перервать путь на рассвет, *Ей* же сейчас хотелось лунной ночи. Рынок — один, другой. Не поддается, не летит *Он* лететь в ночь, жаждет тепла рассвета. Жаждет тепла для *Себя*. И вдруг — *Он* отпустил *Ее*. Не надо, раз не хочешь тепла, не держу, мол.

Крылья затрещали, захрустели, потяжелели, начали тянуть вниз. Падение. Ветер свистит во всю, трепля *Ее*, словно тряпку. Трудно дышать, нечем дышать. Хрип, стон, тишина. Крылья тянут вниз, холод их стеклянных перьев опалает сердце, сбивает его в лед. Падение. Бесконечное. Безнадежное. Падение куда-то в ночь, внутрь, в темноту, одиночество, безразличие. Крылья тянут вниз. Схватиться за сияющую сталь и отрезать их? Спасение? Нет, нельзя, ведь *Он* подарил их *Ей*. Ох, они тянут вниз...

Падение. Звон. Осколки. Они режут. Тело словно обрушилось на острые скалы — беспощадно, своим весом. И больше ничего не чувствует. Нечем чувствовать. Все было принесено в жертву ради *Его* улыбки и крыльев, подаренных *Им*. Ради них, наверное, стоило пойти на это. Стоило? Надо было? Ответа не знает никто...

* * *

Вобриха встрепенулась всем телом и пересекла эту зыбкую грань, что отделяет сон от реальности. Открыла глаза. Рано, еще не рассвело. Бобер лежал

рядом, даже не проснулся. Наверное, опять поздно хлопотал над тем неисправным участком пути, сокрушить неприятелей и блаженно плотины, которым был так занят все последнее время. Они были уже не молоды, бобрята выросли и ушли с родной плотины, чтобы построить свои. И в этом доме совсем пусто...

Она вгляделась в его мордочку. Совсем не как *Него*. Ну совсем другая, она не нравилась ей. Обратно по пробуждении, когда лишь миг назад улыбался ей. Странно, она не помнила *Его* лица, хотя видит его во сне уже много лет... и совсем не помнила, как выглядит то тело, которое *Он* дарил ей во сне.

Она проснулась окончательно. Он все еще дремал. В чем-то она любила его: верный, честный, надежный, добытчик, никогда не бросит, всегда выслушает, скажет что-то хорошее, хоть за частую и грубое, веселый; когда-то давно даже был романтичным в мелочах жизни. Но он лишь жалкая пародия на *Него*; совсем не *Он*, даже близко нет. Она повторяла себе, что любит его, но по утрам — после встречи с *Ним* — она его почти ненавидела... и прощала.

Сон. Реальность.

Иногда кажется, что сон — вторая реальность: яркая, неподдельная, искренняя. А реальность — серый, изнуряющий сон, который никак не унесешь прочь с беспокойно трелеющих ресниц.

Жизнь. Смерть.

Зачем она живет? Затем, чтобы увидеть недостижимый *Идеал*, проснуться в боли от осколков взорвавшихся крыльев и окунуться в рутину своей жизни и существования со своей странной земной любовью? Или для того, чтобы прорваться сквозь

Всё! Хватит! Надо приниматься за дела, вон сколько работы по дому накопилось! Надо, наконец, прибраться в парадной, да и пора лекарство приготовить для больной лисички...

* * *

А *Нее* все думал о Бобрехе, о ее жизни. Ведь она первая же нашла любовь, оставила в этом мире покой, но... что-то тут было не так... Что? Каждый день сменялся ночью, а навстречу ночи спешил новый день, готовый затухнуть и обратиться в ночь. А с утра надо постараться проснуться счастливой. Ничего в ее жизни не менялось, дни были одинаковыми на сезон. Что же не так в этом упорядоченном существовании? Есть надежность, стабильность — то, чего все всегда ищут (по крайней мере, считают, что именно это важнее всего). Что не так?! Наверное, ощущение, что ты уже не живая личность. Скорее, какой-то идол, которому надо служить. А служить надо по особой схеме, соблюдать последовательность и повременность сложных ритуалов. Если подношение принято покровителем — значит, хорошо! Будет благолепие и счастье. Нет? О, значит, плохо! Нужно ритуал повторить, усилить — принести, чтобы покровитель принял его. А иначе — приносить на идола: зачем придумал такой ритуал, который не всегда срабатывает?! И тянут — бесконечные дни в этом странном служении кам-

ню. А камень — она сама. Но отказать боится, ведь тогда он обидится. И идет на уступки. А кто всем виноват? Только она. Когда-то она промолчала. Вначале просто так, потом из вежливости, потом из жалости; потом... молчание обернулось атом против нее же самой. Она была не до конца честна сама с собой.

«Но все хорошо, хорошо, хорошо, все хорошо, хорошо», — убеждает она себя. Лжет себе, что сохранить хоть что-то. И улыбка (все хорошо, правда-правда, хорошо!) становится какой-то... грустной, серой. Но он этого не замечает, он привык получать дары. Она уже не живая. Она — идол. А волею покровителя никогда не спрашивали. Как обезьяны — они сами придумывают себе знамения и сами же их трактуют в угоду настоящему. А страшно всего то, что ничего не меняется — ведь она боится перемен. Вернуть время назад — нельзя. Сказать правду — не поймет уже, поздно. Порвать — жалко. Жалко ранить, жалко уколоть, жалко отобрать покой, жалко... ужасно, но это правда, — жалко, что если что-то изменить, то надежность и стабильность улетучатся. Неизвестно будет, в каких краях в следующий раз день сменится ночью, когда навстречу ночи поспешит новый день, и обратит ли он снова в ночь...

Пёс тяжело вздохнул, когда они с Рыжей Лисичкой прощались с хозяевами уютной плотины. Бобры махали им вслед и улыбались. А Псу было грустно от того, что Бобриха позволила любви превратиться в клеть. Он прекрасно понимал Бобриху, он в ответе за ту, которой посвятил свою жизнь. Это истину Бобер запомнил хорошо. Но как он мог забыть, что живое существо постоянно жаждет пер-

мен и не может быть счастливым в плену у однообразия. Ему было слегка жалко Бобриху, которая позволила приручить себя; которая так любила Бобриху, что ради него отказалась биться за свое же собственное счастье. Они погрязли в болоте обыденности, не разглядели, когда минули перекресток, прощая друг друга насквозь, и начали двигаться в разные стороны. жж

Пёс в последний раз обернулся назад и поймал печальный взгляд ее глаз; но Бобриха улыбалась, махала им вслед лапкой и радостно кричала добрые, светлые напутствия. Они были такими счастливыми, эти Бобры. Пёс тяжело вздохнул...

Пёс не мог наглядеться на Рыжую Лисичку: такая она веселая, звонкая и озорная. Оказалось, что у нее полный лес знакомых. И не было такого, чтобы их вдвоем не встретили цветущей улыбкой и искрами искорками в глазах. Это приятно удивляло Пёса — что ни говори, а к такому отношению он не привык. Рыжая Лисичка была всеобщей любимой: она помогала всем нуждающимся, чем могла, и вообще отдавала себя распутыванию клубков чужих проблем. И, надо признать, делала это великолепно. Она умела унять чужую боль и укрепить чужую надежду, унять никчемную гордыню и разогнать чужие страхи. Вот только... ее желтые глаза иногда оставались немного грустными, даже если она была в неподдельном веселье. Пёс глядел в эти глаза и печально улыбался.

Они долго страстиковали по лесу, когда, наконец, Рыжая Лисичка спросила Пёса о том, чего это он такой приунывший. Пёс боялся громких слов: про нерушимые узы любви, про понимающую верность, про полет на двоих и до самого горизонта...

А потому он просто тихо сказал, что она ему очень нравится. Рыжая Лисичка, не задумываясь, откликнулась, что ей никто не нужен, что она сама по себе, но не возражает, если Пёс будет рядом. Она внимательно посмотрела на Пса, заглянула ему в глаза и позвала за собой. Рыжая Лисичка бежала впереди, показывала дорогу и не оборачивалась. Пёс не сомневался и все гадал, что же она хочет ему показать. Рыжая Лисичка остановилась на небольшой поляне и спросила, видит ли Пёс что-нибудь.

День задался вьюжливый, до самого горизонта тянулся лес, не так далеко — гора, дойти до которой совсем недавно казалось Псу смыслом всего. Подножья горы ущелье, а над ним навис острый скалистый выступ. И все во власти зимы, аж слепит глаза. Рыжая Лисичка поинтересовалась: видит ли Пёс какого-то манящего блеска? Пёс ничего такого не видел. Рыжая Лисичка хохотнула и снова побежала.

К тому времени, как они достигли ущелья, день уже перегорел. Обагрённое солнце спешило за горизонт, теряя остатки холодного света.

В край обрыва врос прозрачный осколок. Показалось, что это лед. Острые изломы покрывали нарядный узор колючего инея. Алые отблески солнца тревожно колыхались, заблудились в глубине ледяного осколка. Пёс заглянул в пропасть и не увидел дна. Казалось, упади в такую пропасть — и даже памятью не сможешь вырваться из нее.

Пёс вопросительно взглянул на Рыжую Лисичку. Она сказала, чтобы он подошел к осколку и спросил обо всем у него. Псу нечего бояться, если издали осколок сам не позвал его...

СКАЗКА О НЕБЕСНОМ ЛЬДЕ

Они птицы не живут на земле и не вьют своих гнезд в уютных кронах деревьев. Они — истинные хозяева и властелины воздушных потоков. Они приходят откуда-то издали, сияют на солнце своими стальными перьями и даже не машут крыльями, чтобы парить в небесах — такие они огненные и могучие, эти птицы, которые не живут на земле. Когда они летят над лесом — кажется, будто над ними катится гром, среди ясного дня слышится дань уважения великим летунам.

И однажды одна из гордых птиц уронила вниз что-то блестящее и прозрачное — это был кусок Небесного Льда. Его тяжесть набирала скорость при каждом мгновении падения; кристально-чистый лёд сиял на солнце и мчался навстречу земле. Он разломался искрами затапываемого костра. Разлетевшиеся осколки купались в тепле и слепили острыми гранями во все стороны света. Нельзя было сказать, как на самый кончик нависшей над пропастью скалы упал осколок Небесного Льда. Осколки замирали, засуетились и потерялись: в глубине ущелья, в зеленой траве, в трещинах среди камней. Но один осколок — самый большой и прекрасный — острым лезвием засел в раненой земле.

Звери со всего леса приходили поглядеть на осколок Небесного Льда — такого холодного и такого безразличного, что не таял летом, когда солнце способно растопить даже снега, которые окружают

зеленую поляну на вершине горы. Небесный Лед упивался вниманием, сиял всеми своими гранями. Он ловил солнечный свет, жонглировал им с изгибами на изломе и ярко выстреливал вдаль, чтобы каждый видел его сияние.

И в каждое время года он казался разным. Весной и летом купался в лучах солнца, распаливаясь до такой степени, что успевало согреть все вокруг. По ночам впускал внутрь себя звезды — бродить по искривленному лабиринту изгибов, чувства играют куда большую роль, нежели зрение. Некоторое так просто обмануть игрой отражения. Осенью он блаженно ловил капли дождя и звенел, когда они стекали вниз по его острым граням. Зимой позволял инею укутать себя морозным пушистым покрывалом и тогда чувствовал небывалую силу — холод умножал его истинную природу, а иней рисовал на его гранях волшебные узоры на режущих изломах и острых сколах. Небесный Лед не таял, не крошился — был вечен. Пока есть жизнь — будет существовать и Небесный Лед.

С вершины обрыва он звал подойти поближе тех, кто потерял смысл жизни или просто не мог найти его; тех, в чьих душах ослепительно белели кости близких; тех, кто не мог смириться с болью в душе; тех, кто сломился перед трудностями; тех, кто считал, что жизнь уже пройдена; он звал всех, кто был не в силах продолжать свой путь — это был коварный осколок. Ненависть и апатия, обида, злоба, преданность и горе, счастье и одиночество, отчаянье и пустота, дождь и хлад, опавшие листья и удручающие полыни — безумной пляской они кружились в гранях осколка Небесного Льда.

Звери тянулись к нему; настороженно приближались, чтобы понюхать, боязливо прикасались лапами. И многим из них хватило бы только одного взгляда на этот осколок, чтобы получить ответы в другом месте. Но Небесный Лед не таков — однажды он уже вкусил крови безжалостности и теперь хотел пить ее как можно чаще, чтобы сам и не окрашивался в багрянец. Осколок ловил лучи света, который прокатывался по сияющим граням, и ослеплял любопытных. Звери пугались, дергались; полоснуть, воткнуть; а потом лишиться крови: жидкая, словно вода, много-много крови. Она заливала собой все вокруг и капала на обледеневший осколок. Звери шатались на краю обрыва, а потом со стоном падали вниз — на скалы, разлетаясь в темноте. Никто не видел их костей, никто не вспоминал о них. Небесный Лед словно вычерпывая их жизни из книги бытия.

И новая есть жизнь — будет существовать и Небесный Лед. И как-нибудь зимой, в минуты отчаяния, когда силы осколка особенно велики, сложившись, не увидев призывного блеска, подмигивающего: «Посмотри сюда, подойди поближе, решение так просто...» И так важно не поддаваться искушению, не откликнуться на этот вязкий зов, змеей извиваясь внутри. Ведь Небесный Лед еще никому не помог, никому не принес облегчения; он только отнимает души и продает их за бесценок. А те, кто выжил после его обжигающего прикосновения, — они навсегда обречены носить внутри колючую частичку этого холода; частичку Небесного Льда, сияющего бездушным блеском. Льда, который никогда не тает, как его не согревай...

* * *

Пёс отпрянул от страшного осколка, словно мог его ослепить. Псу тяжело дышалось, он всматривался в черную пещеру, где его чуть не иссушила ненависть к себе и миру. Но этот осколок Небесного Льда... он — совсем другое. Он не оставляет надежды, он не может помочь осознать... лишь пасть, откуда не возвращаются; жадная пасть орысского ущелья. И не видно дна...

«Почему звери так поступают с собой?» — хрипло спросил Пёс. Рыжая Лисичка тихо ответила, что все из-за страсти, из-за недопонимания и лжи, из-за жажды лучшего и вечного, из-за мечты и пропасти, из-за потери... можно назвать еще тысячи причин из-за чего звери так поступают с собой — и все они будут верны. И все они — из-за любви.

Она рассказала Псу о Черном Лисе. Что было в то время, когда восходила звезда — обещала защиту и сберечь. Она поверила. И где теперь эта звезда? Где ее теплый свет, где ее любовь и верность, где поддержка и понимание? Рыжая Лисичка не могла отпрянуть назад, но и сделать шаг вперед было невозможно. Они слишком долго стояли на месте и молчали. В суровых глазах Черного Лиса отражалась ее боль — отблеском молчаливых глаз желтого цвета, отражением ядовито-желтеющей души; души, отчаянно иссушенной предательством, рассекавшими больное, совсем молодое сердце. Звезда потухла... канула в бездну недопонимания; канула в желтых озерах желчи, и возможно, оставался только один выход — он был

там издавна и манил подойти поближе... взглянуть на лед, который не тает даже летом...

Рыжая Лисичка помнила тот день. Тишина. И только снег мягкими хлопьями укутывал следы. Но Небесный Лед звал к себе. Она дернулась; лед разорвал плоть; а потом лилась кровь: жидкая, горячая вода, много-много крови. Она заливала собой все вокруг и капала на пирующий осколок. Рыжая Лисичка шаталась на краю обрыва, а потом она упала и сорвалась вниз.

Но она не обрушилась на клыки острых скал, она упала из темноты. У нее вдруг выросли крылья! Самые настоящие, трепещущие на ветру перья. Они подхватили ее израненное тело и отнесли прочь от жадной пропасти, откуда нет возврата. Через туманную пелену бессилия Рыжая Лисичка видела этот мир с высоты вечного неба; и она видела два крыла, что несли ее. Имя им — Цели и Воля. Она очнулась от укола Небесного Льда и упала на грешную землю. Осколок гневала и валил суровый ветер, который трепал ее до тех пор, пока не вырвал из них все перья, и она упала в эту ясную синеву, где скрыта

Рыжая Лисичка запомнила тот полет. И любой раз решила сделать так, чтобы боли стало меньше, чтобы мир изменился к лучшему. Но для начала нужно было начать с себя. И в тот миг Рыжая Лисичка изменилась, словно родилось совсем другое существо... и сердечко... ударило в последний раз. Чтобы не мешать идти к Цели. Что-то было не было больно.

Рыжая Лисичка старалась вновь растопить лёд, но ничего не получалось. У нее был полный комплект друзей, но внутри — полное одиночество, ледяная вода плещущая в груди. Не больно. И слезы не хотят повернуться в уголки глаз, ведь, чтобы они текли, их должен подогреть жар пылающего сердца... или, хотя бы, его тлеющий уголек... А жалко, что Рыжей Лисичке очень хотелось плакать. Но она не могла, разучилась.

Пёс молчал и слушал. Он понимал, что далеко не каждому Рыжая Лисичка была готова поведать свою историю; ценил, что она делает это ради одного — оградить его от боли, не дать разыграть пустые надежды. Он повнимательнее пригляделся к лапкам и заметил еле-заметные следы от затянувшихся порезов. Пёс болезненно скривился, как от собственной боли, и посмотрел ей на мордочку. Он видел солнечный свет, еще теплящийся в ее печальных глазах. Тот свет был способен греть, хотя и делал это через призму гнетущего прошлого, которое все время напоминало о себе. Но Рыжая Лисичка не желала забывать, что было — ведь в памяти у нее были и самые светлые мгновения, какие только были в ее жизни... а еще она знала наверняка, что уже не испытает ничего, что смогло бы затмить тот свет, укутанный глубоко внутри — в клубке боли и одиночества.

Пёс решил поведать ей свою историю и подполз поближе. Совсем стемнело, и Псу было крайне уютно рассказывать о Белой Лисице, о месте, где ночи казались бесконечными, о желтой розе и о печатке родной лапки, о сырой пещере и удушающей ненависти, о блеклой весне и ненужной Псу Лисичке, о жестоком Скрипаче и костях, омываемых слезами.

...и о том, что теперь он сидит здесь, рядом с Рыжей Лисичкой, и ему больше ничего не нужно, кроме света ее глаз. Для него.

Она назвала его дураком, а он возразил, что дураком, на крайний случай, балда, но никак не дуран. Рыжая Лисичка устало вздохнула и вновь сообщила, что он ей не нужен. Пёс попросил не гнать его прочь, разрешить немножко побыть сегодня с ней. Рыжая Лисичка не возражала. Пёс прильнул к ее теплой шубке, но не сумел согреться — она не прильнула поближе; вообще никак не реагировала на его близость. Неужели, спрашивая себя Пёс, лёд не может стать талой, живительной водой? Рыжая Лисичка словно подслушала его мысли и сказала, что когда замерзшее сердечко тает, то не остается ничего — живительная влага испаряется или уходит в песок; и не успевает согреться ею; и не запомнишь ее вкус.

В этом времени совсем стемнело. Зимой не было ни дня ни лунно-пепельных ночей, но Псу почему-то казалось, что мир померк. А в этой темноте он чувствовал биение своего сердца; рядом с Рыжей Лисичкой оно снова билось.

Рыжая Лисичка вздохнула, не зная, что теперь будет с Псом и его чувствами. Пёс попросил не отталкивать его, а если уж и гнать прочь — то немедленно. Рыжая Лисичка еще раз тяжело вздохнула и разрешила. Она разрешила ему остаться, разрешила ничего не менять — по крайней мере, пока так разрешил это молчание.

Звезды снова засияли и бросали свои отражения на поверхность голубого снега, будто подсветив зимней земле откуда-то снизу. Так красиво, так хорошо

и так холодно. Пёс попросил Рыжую Лисичку скорее уйти подальше от страшного осколка. Она не была против.

Пришла благоуханная весна.

...было так хорошо и тепло, как-то безмятежно и очень по-доброму. Они лежали друг напротив друга: седой Пёс и Рыжая Лисичка. Он дышал медленно-медленно, словно боялся нарушить очарованного момента, и глядел в ее глаза — желто-карие, грустные, светлые. Он знал, сколько было в ее глазах, знал, сколько отчаянья и грусти сочилось из них, пока слезы не высохли. Но сейчас эти глаза лучились для них двоих: для седого Пса и Рыжей Лисички; и для мира вокруг них. Конечно, она не была самой красивой, не была самой дорогой, не была самой лучшей — в общем, отнюдь идеальной была. Но она нужна ему — такой, какая есть, со всеми достоинствами и недостатками. А главное, она способна была дать ему то, в чем он нуждался. Он тонул в глубине ее всегда грустного взгляда, а она улыбалась, и в уголках ее глаз появлялись маленькие морщинки. Пёс знал, что они появляются там отнюдь не всякий раз... Он был очарован от этой искренней улыбки и этих грустных глаз, приукрашенных веселыми морщинками. Пёс хотел бы ее обнять, приластиться к ее шерстке, но ему хватало и этого взгляда, в котором так доходчиво было написано обо всем, что он искал, пока бродил по необъятному лесу. Она любила его, и Пёс снова чувствовал себя полным, завершённым. Он чувствовал себя живым. Так хорошо, так тепло. Дом...

Лежа, какая ложь! Пёс востепенел и вскочил. Сон, наваждение. Он испуганно хрипел. Что это было такое?! Он не видел снов уже очень давно. Откуда оно?! Зачем?! Зачем этот страшный сон испорчил его сознание? Во сне все было правдой, и она, и он, и эти чувства... все было правдой, кроме ее взгляда. Этот взгляд она ему еще ни разу не дарила. А от того во сне было так хорошо, и так тепло по пробуждении. Зачем ему этот сон? Зачем он лежал на себе за то, что воображение сыграло над ним такую подлую шутку. Сны бесполезны, они не помогают жить, лишь путают реальность с грёзными видениями, подменяют тяжелую правду вязкой сладостью сонного блаженства. Ему не нужен этот сон. Ему нужна реальность.

Пёс стиснул зубы и лег отдыхать, надеясь, что сонные видения больше никогда не станут его гнетом. Он так давно мечтал вновь увидеть сны, а теперь увидел — пришел в ярость. Лучше уж без снов, если они лгут и так ранят душу.

Пёс часто виделся с Рыжей Лисичкой. Они много гуляли по лесу. Много говорили и столько же молчали, любясь узорами, которые пишет природа на холстах реальности. Рыжая Лисичка делала вид, что не знает о чувствах Пса. Наверное, ей так было легче. И только переспрашивала время от времени: не разочаровался ли он в ней? «Нет, ни капельки», — отвечал Пёс.

Весна игривая весна, раскрашивала лес в пестрые цвета и волновала кровь. Заспанное солнце медленно расплывалось, и не было уже мест, где на снегу лежал бы снег. Ароматы надвигающегося лета теснили запахи ушедшей зимы. И в траве белели колокольчики ландышей,

источавшие тонкий аромат, прекраснее которого сыщешь во всем весеннем лесу. Набухали бутончики цветов, которым суждено превратиться в сочные плоды и ягоды. Кроны деревьев словно тяжело от музыки безумолчно щебечущих птиц. Под покровом косновениями ласкового ветерка нежилась и нежилась изумрудная трава.

Рыжая Лисичка очень любила смотреть на небо — высокое, чистое, недостижимое. Казалась, она могла створяться в этом бирюзовом раздолье, где пасутся белые барашки облаков. Пёс думал о крыльях, которые спасли ее от гибели и ненадолго вознесли на небеса. Наверное, Рыжая Лисичка очень скучала по этому небу, где ей однажды посчастливилось оказаться. Пёс приносил ей подснежники и ландыши, пойманную дичь и дары кормильца-леса, всячески помогал Рыжей Лисичке во всех ее делах. Но он не мог подарить ей это небо, как сам не мог дотянуться до него. И от этого было несказанно горько. Иногда, когда ему особенно страстно хотелось прижаться к ее теплой шерстке, а Рыжая Лисичка даже не обращала на это внимания — Пса подмывало плакать от бессилия.

Пёс не был согласен с тем, как живет Рыжая Лисичка. Нет, конечно, он ценил все то, что она делает для других, но... Ему казалось, что не так надо жить. Пёс считал, что если хочешь сделать мир лучше — надо начать с себя и своих близких, создать маленький уютный мирок, а лишь потом расширять его. И если бы каждый придерживался этого принципа, то, как казалось Псу, вскоре совсем не осталось бы несчастных и одиноких. Потому что тогда мир стал бы лучше не от одиночных добрых дел — крупниц в море злобы и апатии — а от чуж-

дому, что сближает и связывает на всю жизнь. Ему не нравилось слово «любовь», когда его говорили чуждо и не к месту. А потому он еще ни разу не говорил, что любит Рыжую Лисичку: не говорил ни ей, ни себе.

Как то неожиданно быстро пролетела весна — Пёс даже опомниться не успел, а вокруг уже вовсю жужжало лето. Рыжая Лисичка куда-то запропала, и Псу все реже удавалось повидаться с ней. Зато стали чаще назначенные встречи становились еще и светлее. Пёс мечтал о том, как познакомит Рыжую Лисичку с Медведем — таким косматым, большим и немножко сгорбленным. Он хотел когда-нибудь свести ее на пруд к Черному Лебедю, чтобы развеять его одиночество и, возможно, заставить Рыжую Лисичку выбраться из пруда. Ему грезились, как они вместе отправятся далеко-далеко — далеко от ельника и березовой рощи, где стояла такая небольшая выступ, а по бокам росли яблони. Когда-нибудь Пёс обязательно сводит ее туда, когда яблони будут в самом расцвете. Пёс бродил вдоль берега реки и мечтал о том, как делит Рыжую Лисичку частью своей жизни. О жизни, и жизни, которой у него не было. Поэтому он даже не задумывался, а нужно ли это Рыжей Лисичке? Иногда он кидал беглый взгляд на берег, куда раньше стремился; почему-то ему казалось, что там можно отыскать что-то новое. Пёс бродил вдоль реки и мечтал. Один.

Однажды Пёс услышал, как Соловей выводит свою песню о Древе Света. Он пел о его ветвях, которые грациозно блистают в прозрачной живой воде. Причем, Пёс слышал, что песня — откуда, казалось бы, не мо-

жет течь вода. Пёс поподробнее расспросил птиц и узнал, где растёт чудесное дерево.

«Вот только, — взгрустнул голосистый Соловей, — нельзя полюбоваться мерцанием Древа Света — оно сразу же меркнет, как только кто-то подходит к нему взглянуть».

Пёс не на шутку озадачился. Он действительно отыскал Древо Света, которое росло не так уж и далеко. Посередине небольшой полянки громоздился неровный камень, из самой макушки которого бил родник. Холодная вода сбегала по полированной поверхности валуна и превращалась в спешащий куда-то ручеек. Многочисленные корни тянулись к этому источнику влаги, где сплетались воедино и разрастались крепким деревцем с округлой кроной темно-зеленых листьев. Пёс решил здесь заночевать. С наступлением темноты Древо Света вспыхнуло несколько раз — тут и там зажглись боязливо мерцающие огонечки, которые тут же потухли.

Пёс отправился к Мудрому Филину. Он рассказал ему о Древе Света и спросил, не знает ли он, можно заставить это дерево светиться, даже если рядом кто-то есть. Мудрый Филин наморщил лоб, пару раз ухнул и сказал, что только аромат небесно-голубого лотоса может заставить Древо Света сиять, несмотря ни на что. Но этот цветок почти невозможно отыскать — так редко он распускается в этом лесу. А еще Мудрый Филин припомнил, что небесный лотос цветет не в конце лета, как подобает цвести лотосу, а прямо после весны. Пёс улыбнулся и сказал, что это от того, что голубой лотос понял гораздо больше, нежели его собратья, встречающие осень, а не чествующие весну.

Несколько монотонно-длинных дней прошли в поисках голубого лотоса. Темнело, в небе взошла полная луна, улыбочиво глядевшая на тщетные метания Пса. Лес притих и с неохотой задремал. Безрезультатные поиски окончательно утомили Пса, и он решил провести Рыжую Лисичку у ее уютной норы. Благо ночь выдалась теплой и светлой.

Подходя к домику Рыжей Лисички Пёс настоялся. Он уловил какой-то незнакомый ему запах — запах шерсти зверя, которого никогда раньше не встречал. Он медленно вышел из леса, готовый броситься на незваного гостя. У норки Рыжей Лисички сидел Волк: небольшой такой Волк, с рыжевато-красным загривком и белым пятном на лбу. Пёс подумал, что хищник засел у норы в засаде, и начал кинуться на него, стараясь вцепиться в шею. Они натались по земле, кусались и царапались. В конце концов Волку удалось лапами оттолкнуть Пса от себя и отбежать в сторону. Волк рассказал, что не желает Рыжей Лисичке зла — он один из ее настоящих друзей. А Пёс объяснил, что думал, будто Волк хочет полакомиться их общей знакомой. Он еще не до конца верил серому хищнику. Волк — так он себя называл — сказал, что прекраснее занимает Пса и на его месте поступил бы точно так же. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, а потом вдруг рассмеялись своей глупой и бессмысленной ссоре.

Пёс заинтересовался, почему это Волчище живет по лесу один, а не сторожит свою стаю. Волчище рассказало свою историю: что у него нет стаи, что еще волчонком он потерялся и вырос среди лис, а потом долго жил с лисами. Пёс сильно удивился — раньше он не встречал волков, ко-

торые жили бы не по кодексу стаи. Видно, не все волчатам вырасти волками. Пёс улыбнулся. Ему определенно, нравился Волчище. Что-то в нем было такое славное и незлобное. Они разговорились. Пёс немного рассказал о себе, самую капельку — он любил беречь прошлое.

Ночь подходила к концу, а Рыжая Лисичка не появлялась. Они начали беспокоиться. Волчище даже предложил отправиться на поиски, но Пёс отговорил его — лучше уж подождать ее здесь, у норки. Лес как-то зловеще замолк, со всех сторон на ползала удушливая тишина. Даже ветер — и то перестал шелестеть в высоких кронах. По небу табулись непроглядные облака, скрывавшие звезды. Через их плотную пелену с трудом проглядывала полная луна. Тихо. И очень-очень неудобно.

И вдруг среди деревьев распахнулись два небо-голубых глаза. Пёс тут же вспомнил все те рассказы о Звере, которые ему доводилось слышать. Он знал — надо бежать; но был не в силах отвести взгляд от этих бездонных голубых глаз. Казалось, они знали о нем куда больше, чем он сам; были способны видеть куда глубже. В воздухе завибрировало жестокое, безапелляционное рычание. Под тяжелыми лапами захрустели ветки и кусты. Наконец Псу удалось стряхнуть оцепенение и он хрипло прорычал, что надо немедленно бежать — как можно дальше и как можно быстрее.

Пёс что есть сил неся вперед и постоянно ощущал, что рядом бежит Волчище. А ветки пошатывались и ломались под напором необузданной ярости Зверя, который, продираясь сквозь заросли, шел на звук бьющихся сердец. Сердец, которые живут и тем самым приносят боль. Их надо раз-

бить, уничтожить: за то, что не способны ценить; за то, что не способны понять; за то, что не способны пожертвовать; за то, что не способны на сотни поступков, которые сделали бы мир лучше; — из-за трусости, из-за малодушия, из-за нерешительности, из-за жалости к себе. Зверь злобно рычал, со свистом и неотвратимо настигал своих жертв.

Вскоре для Пса все звуки утонули в хрипе собственного дыхания, он даже не чувствовал, как ветки клещут по бокам и морде. И только жажда жить не давала обессилить, гнала вперед ради того, чего, возможно, никогда не будет. И каждый новый прыжок казался последним — нет больше сил, плевать на все; но этот прыжок отчаянья плавно пружинит в землю и превращается в новый скачок. А за спиной мелькают эти голубые глаза.

Варуг из темноты вынырнул Волчище и прошептал, чтобы Пёс бежал за ним. Он повел его к старому дереву, в которое когда-то ударила молния. В толщину это дерево было с десяток метров, но отнюдь не высокое, хотя и очень крепкое. Небо за что-то прогневалось на могучее дерево и раскололо его пополам вспышкой своей ярости, сгубило крону и сгубило навсегда. Жизнь пошла по стволу многовекового гиганта, и тысячи мушкетеров лакомились мертвой древесной соком, вгрызаясь до самых корней. В пустотах старого дерева Пёс и Волчище нашли спасение — они спрятались глубоко-глубоко под землю и сидели в тишине, подражаясь от звука когтей, скребущих по земле.

Волчище растворился в полыхающей заре. Зверь исчез. Пёс первым выбрался на свет и содрогнулся от изумленного вида — так было изуродовано

старое мертвое дерево. Страшно подумать, что были, доберись до них Зверь... Пёс и Волчище поспешили к норке Рыжей Лисички и обнаружили с разглядывающей покореженные деревья и страшные следы на земле. Пёс рассказал о ночных злоключениях, а Рыжая Лисичка в недоумении трясла головой: она не раз слышала о страшном Звере, но никогда не встречала его. В любом случае она была очень рада, что с Псом и Волчищем не произошло ничего плохого. Жаль только, что вокруг ее норки Зверь поломал столько хороших и добрых деревьев.

Пёс был так рад, что с Рыжей Лисичкой не произошло ничего дурного, что даже забыл спросить, где она пропадала всю ночь. Хотелось пить, он направился к реке. Чистая холодная вода помогла успокоиться; все ночные ужасы остались позади. Он жмурился от солнечных бликов и слушал журчание говорливой воды, когда вдруг заметил, что вниз по реке плывет... синий лотос! Не раздумывая ни секунды, Пёс бросился в ледяную воду, вскоре бережно схватил цветок пастью, начав старательно плыть к берегу. На сушу он выбрался basahим, мокрым, но невероятно довольным. Пёс положил цветок на землю и стал внимательно его разглядывать. Обыкновенный лотос, только цвет немного голубоватого. А так — обыкновенный лотос. Пёс недоверчиво приблизился к цветку и осторожно понюхал его...

Этот аромат! Он никогда не вдыхал аромата подобного этому! Лотос источал нежный и манящий цветочный дурман, который отнюдь не перебивал все запахи вокруг, а лишь подчеркивал исключительность мгновения, что тут же перестает суще-

ствовать и погружается в омут памяти. Пёс решил, что с этим ароматом можно пройти по жизни; вдыхать его морозным зимним утром; засыпать в его объятиях душистым летним вечером; наслаждаться ароматом синего лотоса, когда он смешивается с благоуханием черемухи; чувствовать этот аромат в сырости осенних дождей. Псу казалось, что он способен вдыхать синий лотос целую вечность, если бы только кто-то дал ему столько времени; и никогда не надоел бы ему этот сладкий аромат!

Пёс бережно взял цветок и поспешил к Рыжей Лисичке. Она как раз заканчивала беседовать с Волчищем и собиралась бежать по своим делам. Но Пёс позвал ее за собой, попросил подарить ему этот день. Она согласилась, хотя и бурчала всю дорогу. Он привел Рыжую Лисичку к Древу Света и положил голубой лотос у его корней, где журчала хрустальная вода. Рыжая Лисичка бывала у этого дерева и ранее, а потому встретила действия Пса с иронией и легким недоумением. Он попросил набраться терпения и подождать до сумерек.

Псу почему-то показалось забавным то, что он ни разу не спрашивал Рыжую Лисичку о ее заветной мечте. Она удивилась неожиданному вопросу и ответила почти сразу и совершенно искренне. Она мечтала сделать мир хотя бы чуточку лучше и оставить в нем свой след. Сказала, что однажды испила из источника животворной любви. Она уже однажды умирала и теперь не страшится погибнуть — было бы ради чего. Все, что теперь ей нужно — это оставить потомство. И жизнь будет продолжаться. Так считала Рыжая Лисичка. Ее желтые глаза сияли в синеве небосклона и даже не замечали

ли, как в них печально глядели серые глаза Пса Журчала вода, неведомым образом сумевшая пробиться через монолит валуна.

Догорающий день постепенно терял власть над лесом. Медовый закат еле теплился на горизонте, а на кроны деревьев мягко опускалась бархатистая ночь. Блестящая вода все шептала и шептала свои бесконечные истории. Нежный аромат голубого лотоса вплетался в наступающую темноту. Древесина Света ожило, подмигнуло живым желтым огоньком; потом еще и еще. Огоньки вспыхивали тут и там, словно искорки волшебного огня, переливались всеми оттенками расплавленного золота и танцевали на каждой веточке, у каждого листочка. И чем темнее становилось, тем сильнее размыслились грани реальности. Может, эти огоньки — это все-все живые души леса? Они вспыхивают, светятся, пока живут, и гаснут, чтобы на их месте мог зажечься новый огонек. Закат все дальше уходил за горизонт, и вот уже кажется, что Древо Света — это целая сфера далекого мира, над которой парит высоко-высоко. И все есть на поверхности этой сферы — океаны и моря, горы и равнины, пустыни и леса. Только не видно их в темноте без жизни. И яркими проблесками пронзают тьму души-сферы светлячки, которым когда-нибудь все равно придется потухнуть. А может, Древо Света — это вся реальность сразу? Тысячи и тысячи ярких точек, что вращаются по кругу; а в каждом золотом проблеске — по сотне таких сияющих сфер, наполненных жизнью; и еще много-много чудес, которых даже не выразишь. Древо Света купалось в сладком аромате голубого лотоса и грелось в мерцании бесчисленных светлячков.

Пёс недолго глядел на Древо Света. Его взгляд пленили желтые глаза, в которых отражались трепещущие отблески огоньков. Пёс мечтал о том, чтобы Рыжей Лисичке никогда больше не было больно. Но сможет ли он оградить ее от всех невзгод? Сможет ли отогнать боль, когда она все-таки придет? А она придет, рано ли поздно придет. Он не знал наверняка. Но обязательно постарается, приложит все свои силы, только если... если она доверится ему.

Пёс подсел поближе, прильнул к ее теплой рыжей шубке и очень тихо, будто боялся спугнуть момент, начал рассказывать...

СКАЗКА ПСА

...что вначале были только волки. Они жили стаями, но не имели привязанностей — каждый сам за себя. У них даже был кодекс. Они жили парами, но при случае легко расходились — не желали и не пытались держаться друг за друга. Они пили горючую кровь своих жертв и грызли глотки сородичей. А те, кто не желал такой жизни, изгонялись из стаи навсегда. Позже они стали псами, но где-то глубоко-глубоко внутри них еще текла волчья кровь, кровь предков. Тут-то сказка и начинается...

Жил да был в одном лесу Пёс. И так уж получилось, что жизнь у Пса была нелегкой (сам виноват, дуралей такой!), и он очень скоро состарился. Нет, не телом и, пожалуй даже, не духом. А скорее, душой, чем-то таким, что часто ныло у него в сердце. В один ужасный день Пёс понял, что у него нет настоящих друзей, а потом еще и подругу потерял. Пёс носился по лесу, творил всякие глупости, а потом выдохся совсем.

И остался Пёс один: ни друзей, ни любимой. Тогда-то Пёс и постарел, изменился: стал сдержанным, преданным, честным... немного ревнивым.

Самое интересное, что какое-то время его такая жизнь даже устраивала. Он неплохо существовал, можно даже сказать, ему нравилась его жизнь. И только редко-редко кто-то мельком видел, как грустит, глядя на Луну своими большими серыми глазами. Он мечтал, чтобы в его жизни появи-

тот Зверек, которому он сможет посвятить всю свою верность; и тот Зверек, который эту верность примет, но не станет ею пользоваться, зная, что так может ранить и обидеть седого Пса.

И вот однажды в лесу произошел потоп. Вода все прибывала и прибывала. И так получилось, что на одном островке земли оказалось сразу очень много животных. Мудрый Филин тогда сказал, что быстро потоп не схлынет, даже не стоит и ждать. Пёс беззлобно ухмыльнулся и улегся у кромки воды — наблюдать за зверями, собравшимися вместе. Он всех их видел раньше: зайцев и лосей, волков и стервятников, волков и гиен. Всех подобных животных он лицезрел много-много раз. «Все как всегда», — подумал Пёс и чуть было не задремал.

И тут он увидел этого Зверька. Такого странно, что поначалу даже опешил. Хотя, нет, он видел его еще раньше, до потопы. Только тогда так и не сумел определить, что же это за Зверек такой — лишь помнил рыжий хвост, мелькавший меж деревьями. Пёс подошел к Зверьку и заговорил с ним. Начал внимательно его рассматривать. Они оказались очень разными. Очень разными. Вначале Псу это не понравилось. А потом он проникся. Ведь Зверек подсказывал ему, что когда двое имеют очень много общего, то скоро становятся друг другу интересны; они не расширяют вселенную друг друга, им лишь становится тесно в одном узком пространстве на двоих.

Вскоре Пса словно огорошило — оказалось, что этот Зверек очень откровенен. Он не боится говорить о себе то, что другие всегда скрывают. И Пёс не молчал — говорил о себе. Так прошло не-

много времени. Один говорил, второй слушал; и наоборот. Псу показалось, что Зверек не очень-то и счастлив — у него, как выяснилось, жизнь была не легче, чем у Пса.

Пёс стал замечать, что мордочка Зверька... (ну, такая, с хитрецей и легеньким пушком, а порой и совсем хитрющая!) ...становилась для него все милее и милее. И он сказал себе: «А почему бы и не рискнуть?! Только не так как раньше — а сразу, честно, в лоб. И если все получится, то останусь с ней навсегда».

Тогда Пёс подошел к Зверьку и спросил, может ли она его выслушать, не перебивая? « Попро- бую», — хитро и немного вызывающе подмигнула Рыжая Лисичка, этот самый славный Зверек. Пёс тяжело вздохнул и начал говорить:

...что не любит поспешно кидаться громкими словами, за которые потом будет и обидно, и больно, и стыдно. Не любит при каждом случае кричать про Любовь и Вечность, не переносит необдуманные Клятвы, что потом обращаются в пыль. А потому он честно сказал то, что готов был сказать: что она ему очень нравится. Нравится ни за что, просто так. Нравится очень-очень. Он предложил ей быть вместе. Не нужно проводить вдвоем все время; не нужно отдавать друг другу больше, чем есть; не нужно пытаться в корне переделать друг друга. Не нужно сажать друг друга в клетки. И, кто знает, может, когда-нибудь половинки душ совместятся без всякого зазора, без единой трещинки. Нужно просто попытаться и не торопиться.

Сегодня — вот прямо здесь и сейчас — он попросил ее сделать одно из двух: сказать «прощай»

или нежно прильнуть к нему. Он обещал отдать ей — всю свою преданность, всю терпеливость и все понимание. Но каждый миг просил помнить, что даже песья преданность не безгранична, если постоянно подвергается испытаниям.

Он попросил ее сказать «прощай», если совсем-совсем ничего от него не хочет, не хочет узнать его, не хочет попытаться сблизиться. Он просил сказать так, если она хочет видеть в Псе только друга. Тогда между ними навсегда вырастет ледяная стена.

Он умолял ее подойти и прильнуть к нему, если она хочет рискнуть.

Но Пёс не сделает к ней более ни одного шага, так как и так уже сделал немало шагов. Теперь очередь Рыжей Лисички принимать решение, ведь если решения принимает только один, то у пары ничего не получится...

Лисичка грустно посмотрела куда-то вдаль, в ей видимую синеву, и тихо проронила: «Прощай, Пёс». Пёс улыбнулся и сам прильнул к ее мягкой шерстке.

Теперь, он мог не бояться подарить ей часть своей нежности прямо здесь и сейчас. Ведь если он этого не сделает, то не сделает уже никогда. Но нежность — не преданность. И нежность — лишь часть жизни. Он надеялся, что она это понимает.

Пёс пожелал, чтобы она встретила кого-нибудь, кто будет предан ей так же, как мог бы быть предан он; чтобы она встретила кого-нибудь, кто будет терпелив, как он; чтобы она встретила кого-нибудь, кто со временем полюбит ее сильнее, чем полюбил бы со временем он.

И пожелал ей полюбить его — это будет для нее са-

Пёс проводил Рыжую Лисичку к ее норке, чтобы навсегда разойтись и никогда больше не увидаться — так, как могли бы они увидаться после этого вечера.

Пёс вернулся к тому месту у кромки воды и, поудобнее примостившись на мягких опавших листьях, уснул. Крепко и счастливо. Ведь он все же сумел дать Рыжей Лисичке частичку того, что хотел отдать целиком. А значит, все было не напрасно. Он скоро выпится и пойдет дальше по миру — искать свой свет. Правда, теперь отыскать его станет в сотни раз сложнее...

* * *

Он рассказывал свою сказку и глядел на нее. Глядел, как она слушает: следил за ее лапками, мордочкой, спинкой. Запоминал этот миг на случай, если она вдруг скажет «прощай». Запоминал этот миг на случай, если она вдруг обнимет его.

Пёс говорил, что было столько боли, а впереди — еще больше. Но новое начало может привести к иному исходу. Он верил в это. Пёс просил ее ответить, что она не сон; не сон для него; он спрашивал, реальна ли она?

Рыжая Лисичка дослушала его до конца и от села. Она никак не могла расстаться со своей нежитой любовью из прошлого, и небо не давало ей покоя. Она сказала, что ей не нравится его седина (...а Пёс при этом вспомнил Белую Лисицу и болезненно поморщился...), она сказала, что он сам выдумал ее — и влюбился в свою же выдумку. Она попросила больше не прикасаться к ней. Пёс прохрипел, что не сможет. Она ответила, что придет

ся. Не смогу — пустота. Придется суметь — и падение. Она сказала, что не любит. Пёс сидел молча. Он многое мог бы сказать, но притих. Он не хотел разбивать свою Мечту на тысячи звезд, которые упокоятся среди бесчисленных огоньков на небе. Он мечтал о счастье, а еще боялся за нее. Боялся, что ей сделают больно; боялся, что она сама сделает себе больно. Он не хотел этого. Он мечтал оградить ее от всего, что способно вновь вскрыть эти раны на душе.

Когда-то давно мать говорила Псу, что стоит улыбнуться — и тебе улыбнутся в ответ. Но как же иногда бывает сложно улыбнуться искренне... и как больно увидеть в ответ натянутую улыбку. Но Пёс улыбнулся: грустно, тяжело, добро. И не увидел в ответ улыбки Рыжей Лисички. Он был благодарен ей за это. Значит, она поняла его и восприняла серьезно.

Пёс встал и молча ушел в объятья бессветного некрода. Он желал лишь одного — раствориться в этом дне, чтобы больше не было боли.

Он бродил вдоль реки, пытался пропустить чистый поток ее журчания через себя, но вода почему-то не желала уносить тяжесть прочь. Седина на боках зудела, и Пёс постоянно чесался. Надежды стояли у него за спиной: не давали отступить и не давали умирать. Он посмотрел на свое отражение; слышал голос: «Мне не нравится твоя седина»... Пёс злобно ударил лапой по жидкому зеркалу и убежал далеко вперед еще до того, как все капли упали на землю.

Пёс хотел заплакать, но не мог — разучился, оказалось, очень-очень давно. Не открывая пасти, он в сотый раз бесшумно визжал, что ему плевать

на вечный холод; что это подвешенное существование не вытягивает из него жизнь. Конечно же, он лгал себе. Не делай ничего для меня; не прикасайся, не люблю — эти слова раз за разом звучали в его голове, медленно вытягивая жизнь. А он твердил себе, что все нормально; не хуже, чем бывало. Он цеплялся за свою Мечту. А ведь все, что делал Пёс — он делал лишь из преданности и нежности и из желания сделать мир хоть немного лучше — для себя и для нее. Он мечтал раскрасить жизнь Рыжей Лисички так, как не сумел бы никто, но его собственные краски, которые он скромно откладывал для себя, медленно смешивались с серыми. Он молчал. Сотни и сотни раз Пёс был готов промолчать на эти слова, сказанные единожды и теперь бесконечно звучащие в голове.

Вереницей тянулись похожие один на другой серые дни, а ночи сминались в непонятный ком боли, темноты и сомнений. Пёс престал считать восходы и закаты. Он бесцельно бродил по лесу и даже не замечал, как лапы сами несли его подальше от норки Рыжей Лисички. Он не знал, как поступить. Страстно хотелось увидеться с ней, услышать ее смех, заглянуть в ее глаза. Но Пёс боялся, что в его присутствии Рыжая Лисичка не сможет засмеяться, а печальные желтые глаза оттолкнут его прочь. Он боялся, что своим присутствием сделает ей неуютно. Но сам не мог без нее, а потому лето утратило краски. И вся выпитая вода, казалось, оставалась плескаться в груди; ледяная вода одиночества.

Но однажды он не стерпел и побежал навстречу, пока следы еще не занесло осенними листьями. И с каждым прыжком цвета возвращались в мир

лето вновь наполнялось теплом и жизнью, надежда распалялась с новой силой, чтобы взмыть ввышину и... вновь разбиться, рассыпаться мелкими осколками. Он увидел, как Рыжая Лисичка прильнула к шее Волчицы. На его морде Пёс увидел блаженство, какое бывает только от настоящей любви. Рыжая Лисичка мечтательно глядела в синее небо, а затем опустила взор и увидела Пса, вышедшего на опушку. В морозе ее глаз был свет, но чужой. Она не улыбнулась и не отошла от Волчицы.

Пёс отправился к ручью, из которого пила Рыжая Лисичка. Он хотел увидеться с ней там, когда она придет на водопой. Еще не все слова сказаны. Он должен пожелать ей счастья, если, конечно, любит по-настоящему. Пожелать счастья — и забыть. Он должен был это сделать.

Она появилась, когда солнце шло уже к закату, и присела у воды с тяжелым вздохом. Рыжая Лисичка не заметила Пса, лежавшего в тени. Она поздоровалась с ручьем, испила студеной воды и обратилась к бегущему потоку:

«Почему они рвутся в буран? Хотят сгинуть? Почему хотят растопить лед? Ведь лед — он тоже красивый. Он так чудесно отражает небо и в сотни раз надежней воды. Почему они все хотят разрушить меня, но никто не хочет понять и принять?..»

Пусть найдет кто-то, кто научит меня видеть небо другим цветом, и тогда, возможно, я разлюблю это небо. Перестану беспробудно мечтать о нем. Мне престанут сниться сны о полетах и облаках. Пусть кто-нибудь раскрасит его другими цветами, не такими яркими, не такими живыми; пусть кто-

то дотянется до него и снимет с небосклона все звезды, и луну, и солнце, и прогонит тучи... Опустошит его! И, может, тогда я забуду о нем хоть на мгновение. И тогда недостижимое небо умрет для меня. Пусть кто-нибудь, кому это под силу, заглушит крики птиц, гомон звериных голосов, раскаты грома и божественное молчание синевы. Пусть из неба исчезнут все звуки и вся тишина, и тогда я умру в пустоте... Пусть кто-нибудь, кто сумеет, сокроет небо от меня, и, может, тогда я узнаю, что такое счастье, что значит быть вместе с другими, стану жить чужой жизнью.

Но и тогда я не забуду о небе, в которое однажды поднялась. Ручеек, закрой мне глаза, закрой мне уши, и только оставь возможность говорить. И ты узнаешь, что я не могу существовать без этого неба, я чувствую его, я живу им! О! Я расскажу тебе все об этом небе, ведь оно живет во мне!

И если кто-то попросит меня подарить ему это небо, то я захочу опасть осенней листвой на заре. И тихим рассветом стану будить его по утрам. И нежностью солнечных лучей согревать в холодные дни. Укутывать его облаками, как покровом мягких трав. Я убаюкаю его. Теплым ветром стану ласкать и шептать... спи... засыпай... посмотри, как красиво это небо над нами... оно только мое и твоё... спи... засыпай...

Но не найти в этом мире тех красок, что сумели бы сделать небо иным, нереальным, ненужным. И нет того, кто смог бы закрыть его или смять. Ручеек, скажи ему, что нет таких миров, где не было бы неба. Скажи, ручеек, чтобы любил меня такой, какая я есть, не пытался переделать или подчинить. Не спрашивал, не взывал к ответу, а просто

был бы рядом. И тогда я вся стала бы его. И подарила бы ему это небо. И тогда снилась бы ему только я. А сон обернулся бы явью. Ох, ручеек, я ведь знаю, что никому ты не передашь эти слова. А сама я их сказать не могу... никому... »

Пёс молча ушел; поспешно, пока она не заметила его. Он больше не хотел говорить ей ничего. Все очень просто — надо взять и все забыть. Просто все забыть. Жить без нее. Поверить, наконец, что он ей не нужен.

Псу казалось, что еще чуть-чуть — и он сойдет с ума: от всех этих кровоточащих ран, оставленных острыми словами; от своей Мечты, которая никак не хочет меркнуть под напором холодов; от балансирования на зыбкой грани между чаяньями и явью... Догорающий день золотил шепотливые камыши. Пёс пришел повидаться с Черным Лебедем, который все так же кругами плавал по своему тесному пруду. Он был очень рад, что друг вспомнил о нем и решил навестить. Они провожали солнце на закат и беседовали. Пёс рассказал обо всем, что с ним приключилось...

...об отрадной зиме, когда тусклый свет сумел растопить иней и засиять вновь; рассказал о Рыжей Лисичке: о ее веселом норове и грустных глазах, о ее огненно-рыжем хвосте и белых кончиках ушей, о ее нелегкой судьбе и странном настоящем. Рассказал о своих чувствах и о своих печалях. О сером Волчице. Черный Лебедь слушал с большим интересом, кивал, но не разделял взглядов Пса. Он считал, что не следует цепляться за тех, кто не хочет цепляться за тебя. Черный Лебедь не понимал, как Пёс способен идти на такое безумие: после всего, что он сделал после всего, что он сделал с собой.

Но Пёс не хотел сдаваться. Он доказывал другу, что осталось нечто, ради чего стоит совершать безумные поступки. Он говорил, что радость, надежда, любовь, уют — они еще не умерли, хоть и переплелись со щемящей болью. И есть еще — есть! — что-то в этом мире, что может отделить эту боль и на руинах прошлого построить новый дом.

Пёс рассказывал о быстротечной юности и о всём том, что ему так полюбилось в Рыжей Лисичке... когда вдруг Черный Лебедь перебил его и пригласил как-нибудь придти к пруду вместе с Рыжей Лисичкой. Пёс замолк и взглянул другу в глаза: влажные, в них было что-то алчущее, что-то застывшее в предвкушении прекрасного... Пёс невесело отказал ему, попрощался и когда-нибудь обещал навестить вновь. Он поднялся с каменистого бережка и медленно побрел прочь. Сейчас друг не смог бы понять его; как не смог бы помочь.

...Черный Лебедь остался один; снова. Он был несказанно зол на Пса... и безмерно ему благодарен — за то, что тот сумел сохранить дружбу и уберечь ее от предательства. Пусть даже и ценой горького расставания. Черный Лебедь погрузился в свои мрачные, мысли и уставился в непроницаемое зеркало темной воды. На какой-то миг ему показалось, что отражение там померкло, растворилось... но, нет. Все как обычно...

СКАЗКА О ТИГРАХ

Мир почти освободился от столетий плена: скинул оковы голубых льдов и расцвел сочной зеленью. Монолиты ледников изнывали от льющегося на них тепла и плакали, вспоминая невесть куда ушедшую стужу. Мир изменился. Дули теплые и влажные ветра, разнося благую весть возрождения жизни во все концы света. От вершин гор и до разлившихся морей — можно было вдохнуть аромат нового порядка. И огоньки жизни разлетались по открывшимся просторам; каждый из них пытался отыскать себе новый дом. Смена эпох — жестокое время. Кому-то оно дается легче, кому-то — бóльшей ценой. И только когда все позади, оглянешься назад и тяжело вздохнешь: об ушедшем... и о будущем.

Два саблезубых тигра мчались по холмистым равнинам. Их осталось так мало — всего одна семья. Но они выжили, сумели найти место в изменившемся мире. Тигры были очень голодны, но гнали добычу не для того, чтобы поскорее насытиться. В пещере их возвращения ждали тигрята и старые тигры, которые были уже неспособны на длинные, выматывающие забеги. А потому саблезубые тигры день за днем, не щадя себя, искали пропитание.

Иногда Тигр оглядывался на Тигрицу и улыбался: им так тяжело, но она с ним, не ропщет, помогает, она никогда его не бросит. А Тигрица не могла наглядеться на Тигра: он устал не меньше нее, но не показывает вида, ради тигрят он готов на все,

он никогда ее не бросит. Тигры мчались по холмам и равнинам, не обращая внимания на усталость и голод. Они терпели все тяжести и невзгоды, чтобы вместе сотворить завтрашний день, из которого для их тигрят будет открыт путь в будущее. И хотя охота изматывала, им вместе было очень тепло под светом этого золотого солнца.

Холодные горы стонали от дневного жара и плакали ручьями кристально чистой воды, скатываясь по зеркалам ледяных изгибов. Стужу не вернуть, не возратить колючих морозов, от которых вода обращается льдом. Стылые горы понимали, что не видать им былого могущества. Их время ушло... и за этими кристальными слезами пряталась скрытая жажда мести.

Все содрогнулось, затряслось, как если бы гром рождался не в мглистом небе, а из глубоких земных недр. Саблезубые тигры остановились и с беспокойством переглянулись; они забыли про охоту и устремились на закат. Тигры бежали, пока не кончились силы, а когда настал предел способностям — перемкнули через невозможное и все равно продолжали бежать. На закат! Скорее! Туда, пока еще не слишком поздно...

Грохочущая тяжесть грома медленно расплывалась по земле, а расколовшийся ледник был подобен молнии — он треснул и неотвратимо сошел вниз, закрыв единственный вход в пещеру, где, как думали тигры, безопаснее всего. Ледник отомстил за свою угасающую жизнь, но так и не перестал лить потоки своих чистых слез.

Следом за грохотом ледяных скал ветер подхватил крики саблезубых тигров. Тигры окунулись в глубокий омут отчаянья, когда замерзшая вода раз

делила их с родными. Разлучила навсегда. Они зывали к Времени, чтобы оно повернулось вспять, могло избежать трагедии. Но седое уставшее Время хранило молчание, словно не чувствовало их боли. Будто не чувствовало никакой боли.

Холодный ледник гордо сиял на солнце и хранил безмолвие.

Тигры бессильно рычали, а потом со злостью сжали зубы и молча бросились на лед. Они точили его своими длинными клыками, снимали белую стружку, челюстями отламывали и кололи крупные осколки. Этот лед — он из этого мира, он не вечен, как и все под солнцем, он не может одержать победу! Тигры не заметили, как перестали чувствовать свои челюсти, как онемели их лапы. Они не придавали значения изнуряющему голоду. Лишь долбили этот ненавистный ледник и слышали голоса своих детенышей, стонущих в стылой пещере. Саблезубые тигры не заметили, как сточили свои великолепные клыки. А ледник так и не сдвинулся, так и не сделался тоньше. Осознание потери пришло к тиграм много дней позднее, лишь когда замолкли голоса тигрят...

Тигры брели молча, куда глаза глядят. Изнуренные, они не хотели жить. Но и умирать под этим ледником было бессмысленно. Тигры брели и теряли шерсть, которая лезла с них клочьями. В этих мучимых стариках никто не смог бы узнать тех гордых саблезубых тигров, что еще недавно покрывали зелеными холмами и равнинами. Тигры уходили как можно дальше от того места, где сошел ледник. Но эхо голосов тигрят, замерзающих в стылой пещере, преследовало их везде, куда бы они ни направились...

Тигр и Тигрица ушли в горы, где снег нещадно сечет по бокам. Они покрылись густой белой шерстью с черными полосами — седина и несмываемые шрамы траура. Они нашли в себе силы построить новый дом, принести в мир новую жизнь. Но и тигрята родились белыми, и не было у них длинных клыков.

С тех пор не живут в этом мире саблезубые тигры, а белые тигры не любят вспоминать о своих истоках, хотя помнят о них каждое мгновение жизни...

* * *

В морозе ее глаза увидели свет, но чужой. Укололось об иней ее души. Надо просто взять и все забыть. Жить без нее. Поверить, что ей не нужен. Но Пёс не мог признаться себе в этом.

Надо просто не цепляться за тех, кто не хочет цепляться за тебя. Но он цеплялся за отношения с Рыжей Лисичкой, хотя, казалось, что уже нет никакой надежды. Он видел в ней свое счастье и не мог не стараться удержаться за него. Ведь если бы забыл — значит, не любил по-настоящему. Так? Или нет? Или любил, если бы сумел отпустить? Или правда? Кто рассудит?

Пёс зажмурился, когда ему в глаза ударил блеск Небесного Льда. Осколок звал подойти поближе и сулил избавление. Пёс зарычал и отвернулся. Он взглянул на вершину горы, куда держал путь до той отрадной зимы. Когда-то ему думалось, что там можно найти ответы. Потом казалось, что никаких ответов там быть не может. А теперь он верил, что только там можно найти что-то, что поможет пере-

ступить в завтра. А иначе — придется навсегда замерзнуть и стинуть.

Зловещим пламенем всходила полная Луна, а Пёс медленно брел по тропинке, уводившей на самую вершину горы. Ему было холодно и одиноко, и он бесцельно брел к вершине мира; поближе к небу, которого ему не подарили.

Он устало шел вперед, не видя в том особого смысла. И вдруг заметил, что идет по каким-то странным следам, которые не могли принадлежать ни одному из лесных зверей. Пёс зарычал и бросился вперед.

На гору поднимался Скрипач. Он неспешно, шаг за шагом, приближался к вершине. Невестя откуда налетевший ледяной ветер трепал его рваный черный плащ. Скрипач шел очень медленно, словно сильно утомился. Скрипка и смычок показывались в опущенных руках. Казалось, что на его сутулых плечах лежала тяжесть тысячелетий.

Пёс рычал и жаждал кинуться на врага. Он помнил Белую Лисицу; помнил, что именно она впервые подарила ему этот свет, к которому он теперь стремился; он помнил о родителях Медведицы; он помнил всех, кого уже нет; Пёс считал, что Небесный Лед мог уронить только Скрипача; Пёс стремился поскорее сомкнуть свои челюсти на его шее, чтобы даже это будет последним деянием в его жизни. Победа над Скрипачом стоит жизни, так рассуждал Пёс.

Он что есть сил прыгнул вперед... но прошел мимо Скрипача, словно его и не было. И только ледяной холод стиснул сердце, чуть не раздавив его. Пёс рухнул в дорожную пыль и болезненно стонал. Мир колыхался мокрой пеленой, а потом

пришла темнота. В ней тонуло прошлое и будущее, а настоящего никогда не было в этой темноте. И не будет.

Пёс очнулся. Он не знал, сколько вот так пролежал, но только Скрипача уже не было видно — и вершине горы тянулась бесконечно длинная вереница следов. Рыжая Лисичка! Что с ней?! Вдруг злобевший Скрипач замыслил что-то такое, что погубит всех?! Надо скорее найти ее, предупредить, попытаться защитить. Пёс с трудом поднялся на лапы. Он чувствовал себя так же, как и позапрошлой весной, когда выходил из той замшелой пещеры. Но Пёс нашел силы побежать. Полная луна серебрила землю и помогала не сбиться с пути. Пёс звал Рыжую Лисичку, но она не отзывалась.

Внезапно он столкнулся с Волчищем. Не было времени объяснять, Пёс просто сказал, что им всем грозит большая опасность и надо скорее найти Рыжую Лисичку. Он даже не отдавал себе отчета в том, что не сможет защитить ее от Скрипача. Но — предупредить, быть рядом, погибнуть первым. На это он был готов. Они были готовы на это — Волчище и седой Пёс. Они гнали прочь искушения чудесной музыки, бегали по лесу и звали Рыжую Лисичку.

...а тем временем вибрирующие звуки скрипки пронизывали реальность и преображали ее, вязкой волной растекаясь с вершины горы. Листья обрелись золотыми пластинками, часть из которых осыпалась вниз, а другая часть осталась трепетать на ветру, переливаясь великолепиями наступившей вдруг осени. Грустные звуки скрипки струились по всему лесу, подчиняя себе музыку Мироздания. Из этих чарующих звуков на деревьях проклевывались россыпи рубиновых ягод и странные белые

цветы, которых никогда не было и никогда не будет. Реальность ломалась, как лед по весне, и стремительно уносилась в сон, в наваждение осени, которая наступает вслед за весной и никогда не кончается. Туман над водоемами светился мертвенно-зеленым сиянием. И в чуждом пении скрипки были ответы на все вопросы бытия, разгадки всех загадок, причины всех следствий. И чтобы внять этому — надо просто прийти, сесть и послушать; впустить мелодию Скрипача в себя, как вняла ей природа. Надо прийти и сесть у той горы, где стоял и играл на скрипке Скрипач...

Пёс с содроганием сердца смотрел на то, как вечная осень поглощает весь лес. Нет спасения от музыки скрипки, она повсюду. И звери медленно бредут к горе, чтоб там остаться навсегда.

Пёс вдруг почувствовал сильный толчок в бок и упал. Оказалось, что это Волчище оттолкнул его под сокрушительного удара. Послышалось злобное рычание Зверя. Пёс вдруг вспомнил рассказы древних жителей о том, что Зверь даже страшнее таинственного Скрипача.

Пёс вскочил и залаял, чтобы отвлечь внимание Зверя от Волчища, который тщетно пытался убежать, хромя на подбитой лапе. Небесно-голубые глаза обратились на нахального смельчака, посмевавшегося бросить вызов. Зверь кинулся убивать, а Пёс, не восторг сил побежал к горе, с вершины которой спускалась по лесу вечная осень.

Силы медленно покидали его, а Зверь не отставал, ломая все на своем пути. Он слышал его тяжёлое дыхание, истеричное биение сердца, скрип тяжёлых сухожилий, видел жар, охватывающий оставшееся тело. Он видел его измученную душу.

И Зверь хотел раздавить Пса, чтобы тому больше никогда не было больно.

Пёс бежал и бежал, высунув язык и спотыкаясь. Он бежал в золотом листопаде вечной осени. Мелькали причудливые белые цветы и алые россыпи ягод. К горе медленно брели звери — они внимали мелодии, что играла скрипка, и шаг за шагом жаждали получить ответы на вопросы. А ведь они такие простые, эти ответы. Остановись, отвлекись от бега, взгляни в себя — вот они, лежат прямо в душе! Но звери шли вперед и слушали не голоса собственных душ, а шепот скрипки, по струнам которой уверенно водила смычком худая рука Скрипача.

Пёс уже видел Скрипача — как он, объятый ирреальным зеленым сиянием, играет свой концерт на погибель всему живому. Но не осталось больше сил, и Пёс второй раз за ночь обрушился в дорожную пыль, не в силах продохнуть. Зверь навис над ним, чтобы еще раз взглянуть в печальные серые глаза и раздавить одним ударом. Но вдруг обратил свой взор к Скрипачу.

Эта музыка! Она хуже всяких бьющихся сердец! Она так докучлива, вьедлива, так будоражит сознание! Зверь переступил через Пса и потянулся ланой к Скрипачу. Шаг за шагом — ближе, ближе. Раздавить, смять, заставить эту музыку замолчать.

...Хочешь узнать, откуда берутся моря слез?.. — шаг вперед, раздавить!

...Хочешь узнать, почему озера боли одиночные промерзают до дна?.. — шаг к цели, уничтожить!

...Хочешь узнать, когда благие намерения обжигаются жгущим огнем?.. — вперед, вперед, раздавить, заставить эту музыку замолчать!

...Хочешь узнать, как истинная справедливость мстит низким предателям?.. — шаг. Ненависть и алоба!

...Хочешь узнать, могут ли сломанные крылья снова поднять тебя в небо, откуда ты пришел?.. — шаг вперед. Сокрушить! Скорее!

...Хочешь узнать, как устроена Вселенная и зачем ВСЕ существует?..

Зверь не хотел знать, как устроена Вселенная — он лишь хотел, чтобы музыка смолкла навсегда. Он сделал еще один шаг вперед и болезненно прогнулся под тяжестью посыпавшихся на него ответов. Но он шел дальше, тянулся к Скрипачу, чтобы раздавить его. Скрипач должен быть повержен! Зверь знал, что его не уничтожить, но нужно отогнать, удалить хотя бы на время. Зверь видел правду — в непельной черноте внутри Скрипача, о его презрении к чужим болям и страданиям, о его чванливом самоуправстве; Зверь видел истинное лицо Скрипача, которое он скрывал под темнотой глубокого черного капюшона. Голубые глаза Зверя видели, что чудесной скрипке нет места в этом мире. Раздавить! Уничтожить! Смять!

«Ты и я — мы одинаковые», — вдруг прошептал Скрипач. Сотни голосов, высоких и низких, мужских и женских, — они сливались воедино и перекрывали один в другой, а вместе порождали ледяной душу шепот Скрипача. — «Встань по мою правую руку — и ты будешь жить вечно. Ведь ты и я — мы одинаковые. Мы оба уносим чужую боль. Мы оба дарим покой. Встань по мою правую руку».

Огромная лапа Зверя сомкнулась, с хрустом раздавила Скрипача и скрипку.

СКАЗКА О ЯСНОЙ ЗВЕЗДОЧКЕ

В бескрайнем Космосе мерцала маленькая окрыленная Звездочка. Она висела высоко-высоко над сферой далекого мира и с любопытством глядела вниз. Она рассматривала заснеженные горы, вглядывалась в бездонные моря, изучала каменистые равнины и следила за неспешным течением облаков вокруг голубой планеты. Ей все было так любопытно: заглянуть в самое угольно-черное ущелье в камнях, погрузиться в иссиня-черную пучину океана, услышать шепот всех загадок этого мира и найти разгадки для всех тайн, что таятся внизу.

Но Звездочка не была счастлива. Ей было слишком холодно; холодно и одиноко в безвоздушной пустоте космоса. И Звездочка решила немного спуститься, чтобы посмотреть на тот мир поближе. И вдруг чего не заметила со своей вселенской высоты? Она взмахнула призрачными крылышками и стала медленно, крайне осторожно приближаться к далекой вращающейся сфере. Но чем ближе она подлетала, тем интереснее становилось, тем больше мелких деталей Звездочка могла разглядеть. Чем ниже и ниже — она даже не заметила, как стала вращаться вместе с этим таинственным миром. Он притягивал ее, тянул к необжитой земле и не отпускал. Слишком поздно Звездочка стала махать крыльями, чтобы вновь воспарить в Космос — ее закрутило, завертело и потянуло вниз; все ниже и ниже...

Тогда Звездочка впервые взглянула ввысь, откуда пришла, и вспыхнула от яркого удивления: все Небо, весь Космос, вся Вселенная — они полнились звездами, такими же, как и она. Их было так бесчисленно много, что Звездочке стало непонятно: каким образом она не замечала их раньше?! Их так много! Они так сверкают! Как же просто не заметить того, что и так рядом... и как глупо не ценить, пока не потеряешь... Звездочка рвалась ввысь, хлопала своими маленькими крылышками и жаждала вновь очутиться там, откуда снизошла. Но силы Земли притягивали ее, краски смешались в безумной круговерти; все ниже и ниже; все быстрее и быстрее; эти пушистые облака — они жгутся, горят, опаляют крылья дочерна. Звездочка мерцала, как не мерцала никогда — она стремилась в высоту, но ей было уготовано обрушиться на безжизненные просторы пустынного мира.

Звездочка трепетно вздохнула и врезалась в самую высокую гору, которая от удара провалилась под землю. Ясная Звездочка взорвалась многими миллионами сверкающих осколков, и эти осколки как бисером осыпались по всем краям сияющей сферы, что парит в пустоте безвоздушного Космоса.

И каждый осколок был подобен самой Звездочке: чистый, светлый, теплый; мерцающий столь же ярко, как и разбившаяся Звездочка. И в каждом осколке осталась Мечта Звездочки — собраться когда-нибудь воедино, окрылиться и взмыть в небеса, оттуда — в Космос, чтобы воссоединиться с теми миллионами звездами, которыми, как оказалось, полна пустота.

Но у осколков ничего не получалось. Слишком много осколков соединились вместе, слишком мало

из них верили в то, что когда-нибудь Звездочка вновь станет как прежде. И слишком мало уверовали, что надежда способна окрылить бескрылую Мечту.

С тех пор осколки Звездочки живут на Земле. Они страдают от ее силы притяжения: стремятся друг к другу, отталкиваются друг от друга. Они дышат одним воздухом и летают в грезах. И если так уж уготовано судьбой — никогда больше не подниматься к звездам, — то одно совершенно точно им под силу: они способны отогнать одиночество, из-за которого и разбилась ясная Звездочка...

Долгими ночами осколки Звездочки глядят на недостижимые огоньки, что дружно играют в темном небе. На их далекий блеск глядят те, кто смог впустить в себя Мечту... и даже те, кому этого пока не удалось...

Вечная осень исчезала, медленно растворяясь и вновь уступая место лету. Тихая музыка струилась по лесу и незаметно исчезала в тишине. Музыка вплевалась в волны рек и бег ручьев, что понесли ее дальше — через весь лес, и за горизонт, до самого края света. И мир сделался немного лучше от этих волшебных звуков, которые уже не давали ответов, но заставляли заглянуть внутрь себя.

Несмотря на то, что сломанная лапа сильно болела, Волчище спешил к горе, которая возвышалась в центре леса. Он почему-то знал, что Рыжая Лисичка где-то там. Он любил ее и спешил на помощь...

Черный Лебедь трепетал и тянулся на звук волшебной музыки, даже не замечая, что выбрался из

пруда. И вдруг музыка оборвалась, тем не менее оставив что-то в измученной душе. Черный Лебедь поспешил вернуться к холодному зеркалу воды, чтобы вновь заглянуть в мрачную глубину и увидеть там Белую Лебедицу. Но услышал лишь родной голос, прошептавший на мотив мелодии скрипки: «Пока жив ты — жива я. Я всегда буду жить в тебе. Так живи для себя, живи за нас двоих и ради кого-то еще. Живи, прошу...» И образ Белой Лебедицы растворился в темноте глубокой воды; и ночные голоса из прошлого замолчали навсегда. Бесчисленные звезды отражались в пруду, где плавал Черный Лебедь с белым пером на голове. А если хоть на мгновение оторвать взгляд от звезд — то можно увидеть целый мир, раскинувшийся под бескрайним небосклоном...

Река столкнулась с плотиной бобров и разлилась тремя потоками-дорогами. Бобер вдруг очнулся от дремоты поклонения своему идолу. Он сильно изменился и в его чуткости растаял странный сон Бобрихи...

Вода несла мелодию за горизонт.

Медведица сидела рядом с сутулым Медведем и слушала его бесчисленные сказки. Он рассказывал о странных двуногих существах, которые все на одно лицо и живут совсем другой жизнью. Но при этом так неуловимо похожи на зверей из леса. Он подарил ей сотни сказок, и однажды стало не о чем рассказывать. Но Медведь взглянул на облака и сказал невозможное — придумал еще одну сказку; за ней еще не одну сотню. И все эти истории были для нее; и все они были отражениями их двоих...

Речушка упала с высоты и разбилась о камни, давая свободу умиротворяющей мелодии скрипки. Ветер

растрепал одуванчики, и музыка нашла пристанище в их мягких пушинках, разлетающихся по свету.

Стая волков мчалась по бескрайней равнине. Среди них был и Серый Волк. Он нашел счастье, оставил свой след в мире и стал лучшим наставником для волчат. Однако никому в своей новой стае он не сказал, какой ценой был пройден этот путь. Не скажет и в будущем. Этот груз всю жизнь будет давить на него...

Семена одуванчиков разлетались по лесу, чтобы найти свое место и пустить корни в землю. Чудесная музыка соскользнула вниз и беззвучно легла на траву.

Зрячий Крот жмурился от темноты подземелий и рассказывал кротяткам о мире, который есть где-то наверху: о деревьях и реках, о небе и облаках, о звездах и о солнце. Кротята слушали его и с трудом размыкали веки, надеясь, что когда-нибудь тоже смогут прозреть и увидеть великолепие мира под звездами...

Олени отыскивали останки маленького Олененка, долго плакали и тосковали. Они ушли далеко-далеко, на другой край леса, и там начали новую жизнь. И даже не узнали, что страшный Зверь покарал губителей их чада...

Музыка скрипки совсем затихла, но продолжала растекаться в воздухе, которым дышало все живое в лесу. Она уже не несла ответов и не ставила вопросы, а просто подталкивала взглянуть поглубже в себя.

Что нужно, чтобы прожитую жизнь можно было назвать счастливой?

Нужно реализовать сам Смысл жизни и совершить Подвиг.

Смысл существования — он в принесении в мир новой жизни, в заботе о ней, в преумножении в ней всего светлого и ценного, что было создано. Будущее будут творить именно они — те, кто придут в мир от крови нашей и плоти, и останутся, когда нас уже не станет.

А для счастья нужно совершить Подвиг; тот самый, на который пошел Лев. Только Лев — этот истинный Царь — безгранично любил всех вокруг, а потому совершил подвиг не ради своего счастья. Высокое небо поет ему хвалу и по сей день: в каждом луче золотого солнца, в бесконечной выси синевы. Лев умер, дабы облегчить судьбы другим. Он разделил свой Подвиг на две части и подарил его всем.

Чтобы обрести счастье, один должен всецело и безвозмездно пожертвовать собой ради другого, а тот, в свою очередь, — а это бывает еще сложнее — принять жертву и ответить взаимностью. Только умирать ради этого не надо никому; за всех уже умер Лев. А имя его Подвигу — Любовь.

Но порой слишком уж жестока оказывается жизнь, и одного Подвига недостаточно для счастья, и с каждым разом все сложнее и сложнее идти на новую жертву; все страшнее и страшнее; все холоднее и безразличнее... такова правда жизни, правда этого мира, до сих пор не сумевшего понять главного. Не сумевшего понять, что нельзя рушить судьбы тех, кто нашел в себе силы на Подвиг, имя которому — Любовь.

Зверь разжал когтистую лапу, в которой оказались только рваные одеяния Скрипача да щепки раздавленной скрипки. Сам Скрипач струйками черного дыма просочился сквозь пальцы и исчез в ночи. Зверь недовольно засопел и огляделся. Слу-

шал звук сердца, бьющегося неподалеку. Но почему-то ему не хотелось убивать. Музыка замолчала, но тем не менее оставила что-то в пустой некогда душе. Зверь встретился взглядом с Псом.

Пёс очень боялся, что Зверь раздавит его. Он весь сжался, но не побежал. Пёс взглянул в чистые голубые глаза и увидел в них обрывки истины, что знает только Вечное Небо. Клочки знания о добре и свете, которые Рыжая Лисичка сумела подглядеть, когда Зверь еще не родился, а серые крылья тянули к самому куполу небосклона.

Неужели настало время произнести эти слова? Наверное, да. Иначе — никогда больше не представится шанс. Усталое седое Время грустно улыбнулось и затаило дыхание...

Пёс заговорил:

«Знай, что ты — не сон. Для меня ты реальна и будешь реальна всегда. Пожалуйста, ответь: подаришь ли ты мне все это небо?»

Зверь склонил голову и с удивлением слушал звуки речи, которую каким-то чудесным образом стал понимать после того, как впитал в себя музыку скрипки.

«Пожалуйста, подари мне небо...»

...небо?.. прекрасное, чистое, вечное...

«Пожалуйста, подари мне небо...»

...подарить?.. да, небо стоит того, чтобы им с кем-то поделиться...

«Пожалуйста, подари мне небо...»

...ему?.. он просит подарить ему небо?

Облака надежно укутали полную Луну, и Зверь встрепенулся. Он болезненно согнулся, зарычал и стал уменьшаться, меняться, преображаться в кого-то другого. Исчезли острые уши, похожие на рога.

Длинный хвост с кисточкой обратился рыжим всполохом. Могучие лапы будто сдулись в тонкие лисьи лапки. На небе вновь появилась зловещая Луна, но она уже была не властна над Зверем. Зверь умер. А Рыжая Лисичка кашляла и вся тряслась после внезапного превращения.

Рыжая Лисичка взглянула на Пса, обвела взором весь Лес, что начинался у подножия горы, увидела Волчище, который медленно ковылял вверх по тропинке. И снова взглянула в сторону Пса. Но мимо него.

Рыжая Лисичка понимала, что она для него — не сон, не игрушечная выдумка; что она для него реальна. Но столько было боли... и сколько боли еще будет, если она выберет его. Если вновь довериться кому-то. Она не знала, что ответить: «да» или «нет». Просто молчала; смотрела мимо серых глаз седого Пса. Пыталась заглянуть в себя...

Пёс сидел напротив, хотел подойти и прильнуть к ней, но не решался, боялся. Он молчал. Все сказано, на душе покой да тихая грусть. Он мог бы не мучить ее своим присутствием — просто бесследно исчезнуть, сгинуть. Но если уйти сейчас, то сможет ли он когда-нибудь вообще отыскать свою дорогу к счастью, дорогу Домой? Сможет ли когда-нибудь поверить, что он ей не нужен?..

Теперь, когда всезнающая скрипка замолкла навсегда, неоткуда взять верных ответов, кроме как на глубин своей души. Рыжая Лисичка молчала — не знала, как ответить. Ей не хотелось лгать... ни ему, ни себе.

Алмазной россыпью ночь плыла над Землей.

От автора

*«Каждый читатель пытается увидеть
на страницах произведения рожа сочинителя».*

Достоевский Ф.М.

Снова и снова мы, рассказчики, не устаем повторять, что все персонажи и события – вымышлены; любое сходство с реальными живыми существами – лишь часть авторской мистификации. Но нам почему-то не верят.

Сердечно благодарю всех своих родных и близких. Особенно, моих замечательных родителей, бабушек, деда Михаила и обожаемого брата, без которых я не стал бы тем, кем являюсь (вам я обязан всем!); мою дорогую Катеньку, друзей — Кузьмичева Олега и Семагину Машу. Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. И даже за то, чего не сделали.

Отдельная благодарность всем врачам, которые помогали мне и вытаскивали с того света; всем моим учителям из школ «1747» и «1090»; а также Будиной Елене Эдуардовне и Оганяну Роберту Робертовичу, которые открыли эту книгу «urbi et orbi».

Огромная благодарность группам *Blind Guardian*, *Catharsis*, *Demons&Wizards*, *Godsmack*, *Lumen*, *Арда*, *Ария*, *Земляне*, *Западный Фронт*, *Мельница*, *Ольви*, *Оргия Праведников*; певцу, поэту и композитору Юрию Антонову, поэтессе Маргарите Пушкиной, менестрелям *Лан* (Ольге Волоцкой) и *Тэм Гринхилл* (Наталье Новиковой) — спасибо за неиссякаемый источник вдохновения!

Обложку иллюстрировал Максим Ершов, также известный под псевдонимом *Scourge Miakhano* (интернет-страничка художника: www.scourgesoul.com).

Содержание

От издательства	5
Сказка об уставшем Времени	11
Сказка об одинокой Белой Лисице	19
Сказка о Скрипаче на холме	24
Сказка о Сером Волке	35
Сказка о глупой Белой Лисице	45
Сказка о Медведе и дожде	54
Сказка о Мечте	63
Сказка о Льве	72
Сказка о двух Лебедях	80
Сказка о Звере	89
Сказка об Идеале	102
Сказка о Небесном Лье	111
Сказка Пса	130
Сказка о Тиграх	141
Сказка о ясной Звездочке	150
От автора	158